

18+

Г А Ц У Р Д
Д М И Т Р И Я

ЛЕГЕНДЫ СЭНГОКУ
ПОД ЗНАКОМ ТИГРЯ

Легенды Сэнгоку

Дмитрий Тацуро

**Легенды Сэнгоку.
Под знаком тигра**

«Автор»

2017

Тацуρο Д.

Легенды Сэнгоку. Под знаком тигра / Д. Тацуро — «Автор»,
2017 — (Легенды Сэнгоку)

ISBN 978-5-532-11746-4

Япония, первая половина 16-го века, эпоха Сэнгоку-Дзидай — время воюющих провинций, когда сын поднимал меч на отца, а брат на брата. Когда обычный простолюдин мог убить знатного военачальника и сам возглавить целую армию самураев . В это беспокойное время и довелось появиться на свет Нагао Кагэторе, которому пришлось познать на себе потерю и предательство близких ему людей, и окунуться с головой в этот круговорот кровавой смуты.

ISBN 978-5-532-11746-4

© Тацуро Д., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Карты	5
Пролог	10
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дмитрий Тацуро

Легенды Сэнгоку. Под знаком тигра

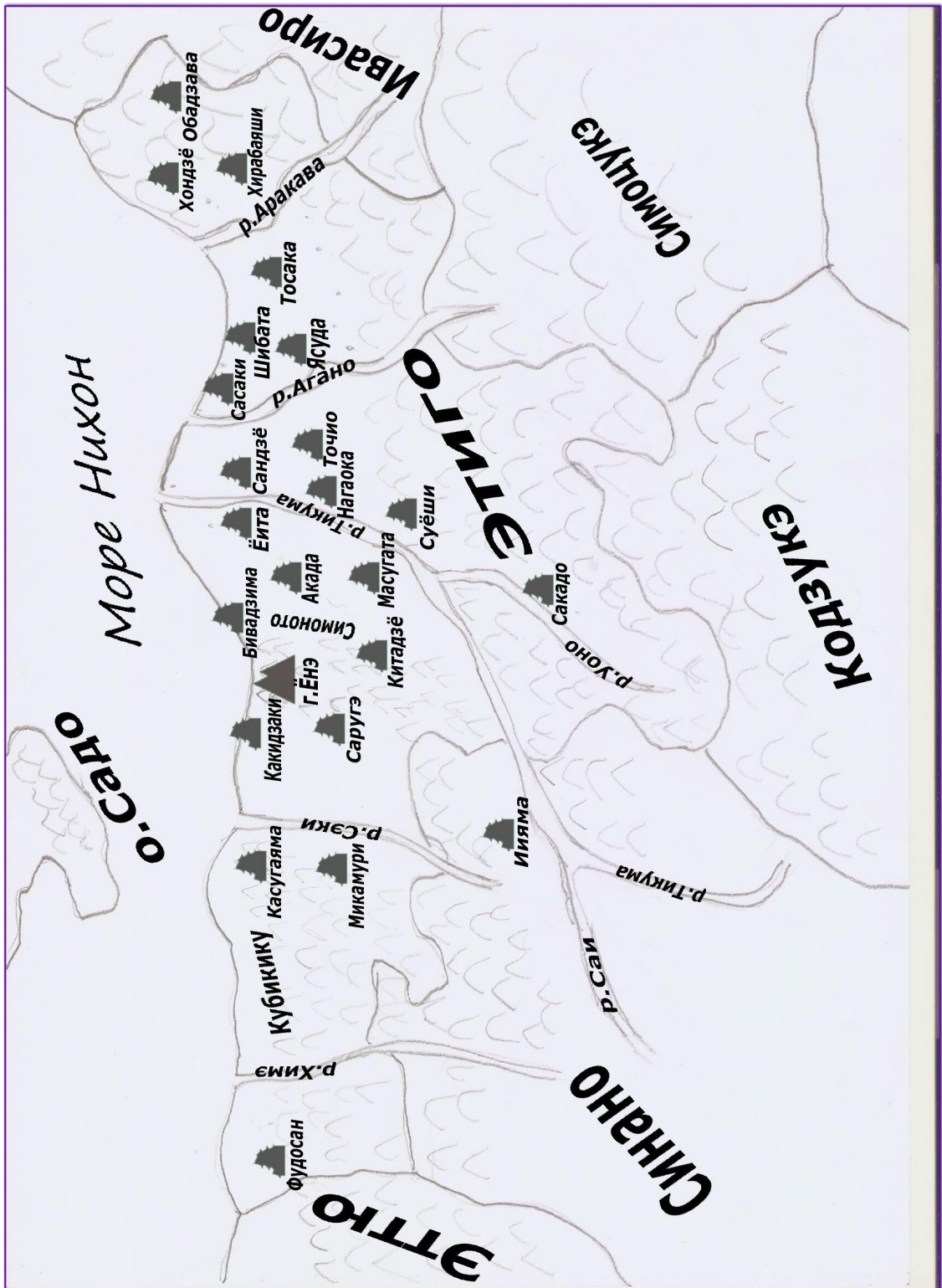
Карты

Хиномото восток

Хиномото запад

Провинция Этиго

Пролог

Гора Касуга сияла как никогда! Её вершина переливалась бело-синими цветами, озаряя склоны и кроны сосен у подножья. Свет струился, будто из её недр, точно из разлома, неведомо откуда образовавшегося на самом верху. Никогда раньше не видывали такого явления, даже в самую ясную зимнюю ночь. Словно вулкан пробудилась Касугаяма, но не пламя изрыгала, а божественное свечение, то ли добрый знак, то ли предвещание беды.

Замок, что раньше венчал вершину, просто исчез в небытие, будто и не было его никогда. Крепостные стены, казармы, башни, дома жителей, леса, что заполняли склоны горы, так же канули в неизвестность. Остались лишь тропы, извилистой змеей ползущие от подножья до сияющей вершины.

Человек, стоявший внизу у тропы, воззрился ввысь, любуясь красотой свечения. Это был мужчина, и взгляд его был наполнен решимостью. Желание подняться на гору, выяснить причину явления и пропажу его замка одолевало его. Он не испытывал страха перед чудесным сиянием, кисти рук были сжаты в кулаки и уперты в поясницу, ноги широко расставлены, грудь выпячивала вперед. Всем своим видом он показывал бесстрашие и стремление взойти на гору. И вот он сделал первые шаги к своей цели, как с неба, под порывом сильного ветра, начал сыпать снег. Мужчина не испугался такой неожиданной перемены погоды, он схватил лежащие рядом соломенный плащ и широкополую шляпу и двинулся вперед. Ветер подул еще сильнее, стоявшие позади человека знамена с гербами, взмыли вверх и улетели прочь от горы. Человек подумал, что сами боги воспротивились его восхождению, но он не остановился, желание достичь вершины перебороло страх перед гневом богов. Ему было необходимо выяснить, что стало с его замком, семьей, людьми, вассалами... Ведь совсем недавно Касугаяма бурлила жизнью. Почему этого не стало? Он не помнил, как оказался здесь, рядом с домом, когда час назад беседовал со своими людьми, в своем лагере в двух ри¹ к югу от Касугаямы. Какая неведомая сила забросила его сюда? Может это тоже проделки kami? Может они послали ему испытание, которое он должен преодолеть? Мысли перемешивались в водовороте неведения.

Вскоре тропа совсем утонула в белизне снега, и идти становилось всё тяжелее, ветер усиливался с каждым разом, как мужчина поднимался всё выше и выше. Соломенную шляпу сдуло сильным порывом и даже пошатнуло человека, но он удержался. В лицо стали бить мокрые хлопья снега, они расплывались по лицу и залепляли глаза. Дальше стало ещё хуже! Снег превратился в грязную жижу и хлынул дождь, ноги стали утопать и промокли насквозь, сандалии на ногах развязались и мешали ходьбе. Мужчина снял обувь и отшвырнул в сторону. До вершины оставалось совсем немного, как в лицо хлестнули ледяные крупинки, казалось, они режут щёки до крови. Человек снял с плеч промокший соломенный плащ и натянул его на голову, закрыв лицо; теперь он шёл вперёд, не видя дороги.

Стало холодно. Мороз ударил так резко, что почва под ногами застыла мгновенно. Всё то месиво, которое наводняло дорогу, превратилось в гололёд. Плащ бедного человека сейчас напоминал множество сосулек и вскоре превратился в смерзшуюся ледяную глыбу. Мужчина, окоченевший до мозга костей, скинул эту тяжкую ношу, сделал ещё с десяток шагов и рухнул на колени. Он выставил руки перед собой, чтобы не распластаться полностью, впился окоченевшими пальцами в промёрзшую землю, попытался встать, но всё его тело дрожало, ноги не слушались, ресницы смёрзлись, не давая раскрыть глаза. Набравшись последних сил, он сделал ещё одну попытку подняться, как следует, оттолкнулся от земли ногами и руками и взмыл вверх, чуть не упал назад, но устоял. Он чувствовал себя опозоренным. Он, самурай, талантливый полководец, глава огромной семьи... Сейчас дрожал, словно трусливый заяц. У

¹ Ри – около 4км.

него не получалось совладать с собой, озноб пробирал насквозь, мысли смешались меж собой, ноги подкашивались. Он еле разлепил замерзшие веки, чтобы взглянуть вперёд. В глаза ударил яркий свет. Полководец закрыл лицо рукавом, подавшись чуть-чуть назад. Внезапно, холод сменился теплом, снег перестал падать, а лёд под ногами растаял каким-то чудодейственным способом.

На вершине горы, где стоял человек, возвышались громадные врата. Боковые колонны были серые, но переливались разными цветами из-за волшебного сияния, которое стало не таким ярким как раньше. Створки ворот распахнулись, со скрипучим, режущим слух, звуком и на полководца снова подул сильный ветер, но быстро стих. Воин выпрямился, озноб как рукой сняло, из груди так и вырвался тяжёлый выдох облегчения, граничащий с изумлением. Он оглядывал врата снизу-вверх, хотя они стояли от него шагах в двухстах, такими они были большими. Над аркой, на перекладине, что высилась прямо над створками, сиял блестящий, словно снег в лунной ночи, кандзи "Би", начертанный на каменной табличке. Воин сильно удивился, ведь сей священный знак означал первый слог имени Бисямон-тэна, бога войны и богатства, а также Стража Северных Небесных Врат и покровителя его рода. Человек долго стоял как вкопанный на одном месте, любуясь чудом, которое было не иначе как творение ками. Он вдруг очнулся от ошеломившей его скованности, когда из недр врат, из тёмной пустоты, медленно и ровно выходил кто-то.

Пришелец походил на человека, но из далека полководец не мог различить его лица, вооружённый копьём с наконечником в форме знака важра², облачённый в доспехи, не похожий на те, что носили местные самураи, а скорее воины Империи Минг³. Фигура его была могуча, даже из далека различалось, что он на много превышал самого рослого человека. У ног незнакомца легко семенил маленький, белый тигрёнок. Когда гигант остановился, животное село, задрало морду, взглянув на хозяина, будто спрашивая разрешения. Исполин кивнул. Тигрёнок, не торопясь, направился к полководцу, который стоял в непривычном для него изумлении. Зверёк приближался довольно быстро, не смотря на медленный темп и не дойдя нескольких шагов до человека, снова сел. Зверь и человек встретились взглядами. Полководцу даже на мгновение показалось во взгляде тигрёнка нечто знакомое. Глаза его вовсе не походили на кошачьи, а наоборот, очень даже человеческие. Смотрел он серьёзно, невозмутимо, будто испытывая на прочность. Полководец так же смотрел зверю в глаза, не обращая внимания на могучего воина, стоявшего у врат. Неизвестно сколько бы ещё длился этот поединок взглядов, но он тут же прекратился, когда зверёк разинул пасть. Полководец вздрогнул, потому, что вместо тигриного рычания, вдруг услышал:

– Господин!

Человек сделал шаг назад, мотнув головой. Животное заорало ещё громче:

– Господин!

Обескураженный полководец совсем растерялся. Он, никогда не дрогнувший на поле брани, убивавший врагов без зазрения совести, брал замки и завоёвывал земли, сейчас не знал, что предпринять в сложившейся ситуации.

И тут тигрёнок совсем сразил человека наповал, произнеся имя его рода:

– Господин Нагао!

Человек мотнул головой и от неожиданности снова дрогнул, когда зверь, оттолкнувшись от земли, взмыл в воздух прямоком на него и...

Ужас пронзил Нагао насквозь, когда маленький тигрёнок начал меняться на глазах, во время прыжка. Он превращался в громадного, белого дракона, с каждым мгновением приближавшегося всё ближе и ближе.

² Важра – в индийской мифологии, жезл бога Индры похожий по форме на буквы "Ж"

³ Империя Минг-так в средневековой Японии называли Китай.

Тогда Нагао снова услышал голос, только совсем близко, почти у самого уха:
– Тамэкагэ!!!

Глава 1

Знамение

3-й год Кёроку 18 день месяца Кисараги (февраль 1530 г). Провинция Этиго.

Тамэкагэ открыл глаза. Перед ним маячил до боли знакомый человек. Наголо выбритое лицо с узкими, маленькими и хитрющими глазами. Голову его венчала шапочка эбоши, которая обычно одевалась под шлем. Сам он был облачён в чёрные шнурованные доспехи, а поверх, на не особо широкие плечи, накинута безрукавая куртка-дзинбаори, с родовым гербом на спине.

– Усами!?!– недоумённо выкрикнул Тамэкагэ. Он потёр глаза, поднимаясь со своего ложа. – Я задремал.

– Не то слово господин! – озабочено ответил Усами, пристально разглядывая своего сюзерена. – Вы никогда так долго не спали! Особенно во время похода, ведь прошло целых три часа⁴.

Полководец поднялся во весь рост. Оказалось, что он выше своего вассала на целую голову, гораздо шире в плечах и, в отличие от Усами, обладал узенькими усиками, плавно опускавшимися вниз и переходящими в бороду, обрамлявшую лицо от виска до виска. Так же одет в доспехи, в которых и спал, чёрного цвета с белой шнуровкой, довольно старомодные, но полководец не гнушался этим и не распался на всякие роскошества. Волосы его были расплетены и гладко ниспадали до плеч. Тамэкагэ не брил лоб как это принято по обычаю самураев, но, как и многие его вассалы предпочитал зачесывать волосы назад, стягивая в хвост на темени. Отчасти они это делали из-за холодной зимы и сильных ветров, как-никак лысая голова быстрее замерзала, а отчасти из-за отдаления от Киото – рассадника роскоши, ярких одежд, косметики, сложения стихов и пышных пирушек. Да и не гнался Тамэкагэ за модой. Ему были чужды всякого рода развлечения, ведь большую часть жизни его занимала война, а прожил он на этой беспокойной земле уже сорок один год.

Он снял с вешалки для доспехов шапочку, токую-же как у Усами и повязал на голову. С подставки для мечей, стоявшей у изголовья постели, поднял сначала танто – кинжал, в полторы ладони длинной и заткнул за пояс, затем тачи – сильно изогнутый меч, заостренный с одной стороны, и повесил к поясу изгибом вниз. Дальше Тамэкагэ направился к выходу из своего шатра. Усами пошёл за ним.

Выйдя на свежий воздух, полководец глубоко вдохнул холодный, зимний ветер. Погода давала о себе знать уже не первый день. Снежная буря заволокла небо так, что звёзд не было видно. В этом месяце всегда было так, по крайней мере, в этой части страны.

Этиго – провинция, которой управлял Тамэкагэ, находилась на северо-востоке острова Хонсю. В основном здесь повсюду преобладали горы и холмы, равнин почти не было, но земля, тем не менее, была плодородной. Западную границу полностью омывало море Нихонкай, от чего прибрежные селения зачастую терпели бедствия от цунами. Но люди свыклись с этой кармой и получали из морских глубин все доступные дары. На юго-западе, за горами Этиго, лежали провинции Эттю, которая уже несколько лет является полем битвы соседних князей – даймё и религиозной секты икко-икки, на юге Синано – обширная и богатая земля. На востоке Кодзукэ и Ивасиро, на севере Дэва. Вся провинция Этиго была огорожена со всех сторон горами, которые являлись отличным щитом от набегов соседей. Особенно зимой, когда горы покрывал толстый слой снега высотой в два-три сяку⁵. Тамэкагэ любил свою землю и в дальнейшем мечтал о её расширении.

⁴ Один час в средневековой Японии равен двум современным.

⁵ Сяку – 30,3см.

Полководец сел на складной стул, стоявший у шатра. Над его головой заколыхался широкополюый зонт, защищающий от снега. Вокруг беспокойно трепались ширмы – маку, огораживающие ставку полководца, за ними виднелись знамёна клана Нагао с гербом, – три начала в девяти светилах⁶.

Усами спешно подошёл к Тамэкагэ и склонился перед ним в поклоне, на одно колено, как и подобало воину.

– Господин Нагао! Я принёс вам известие, – начал было он, но полководец резко его перебил.

– Мне приснился странный сон Садамицу.

Усами Садамицу выпрямил спину, оставаясь сидеть на коленях и всем своим видом показал, что внимательно слушает князя. Тамэкагэ продолжил, замороженно всматриваясь в заволоченное бурей небо.

– Там не было замка Касугаямы, осталась лишь гора, а на ней... ничего.

– Как такое возможно мой господин!? – удивлённо воскликнул Усами.

– Я пытался подняться на неё, но мне постоянно мешали какие-то неведомые силы. – Нагао говорил, не обращая внимание на удивление своего вассала. – Наконец я поднялся. На вершине стояли огромные ворота... – он немного прервался будто вспоминая сон. – Никогда раньше такие не видел.

– И что-же это были за ворота мой господин? – Садамицу с интересом взирал на своего сюзерена, ожидая что тот расскажет что-нибудь интересное.

Неожиданно уши обоих заволоч гул сильного ветра, и лицо залепил снег. Подбежали двое самураев, что раньше стояли у шатра и загородили своего повелителя от капризов погоды. Нагао наконец перевёл взгляд на Усами, даже не удостоив взглядом двух телохранителей, будто и не заметил их стараний.

– За воротами была пустота, – заговорил Тамэкагэ. – и тем не менее, из них вышел воин. Он превосходил наших воинов в два раза, и в росте, и в оружии. А за ним... – дальше князь Нагао подробно обрисовал на словах метаморфозы тигрёнка в дракона и то, как зверь называл его по имени.

Усами опустил голову, задумчиво сузил и без того узкие глаза и погладил рукой подбородок. Тамэкагэ пристально смотрел на него, ожидая, что его советник как-нибудь растолкует его страшный сон. Усами слыл умным человеком, сведущим в астрономии и военной стратегии, он был с одного года рождения с Нагао и прошёл с ним практически все сражения. Он частенько составлял гороскопы для вассалов князя и их жён, предсказывал некоторые события по звёздам и толковал сны.

– По поводу голосов, – начал Садамицу, поднимая взгляд на князя. – что изрыгало из своих уст животное, могу сказать лишь одно, – это был мой голос господин!

– Что это значит? – Тамэкагэ удивлённо вскинул брови.

– Это значит, что вы слышали мой голос сквозь сон, когда я вас будил. Дело в том, когда человек просыпается, он начинает сознанием понемногу возвращаться к реальности, в которой находится его земное тело. И так получается, что он иногда слышит и чувствует происходящие вокруг него вещи.

– Вот как? – Тамэкагэ выпрямился на стуле. – А может всё наоборот? Может то была реальность, а мы с тобой сейчас во сне?

– Тогда, мой господин, – Усами позволил себе улыбнуться краешком рта. – мы с вами большую часть жизни провели во сне.

– Хм. – коротко хмыкнул князь Нагао. – Ну а как ты мне объяснишь всё остальное? Все те странности? Ворота, гора, воин и тигр-дракон!

⁶ 3 томоэ – запятых, символизировали три начала – небо, земля и человек.

– Возможно господин мой, – не задумываясь над ответом, начал Садамицу. – вы видели вещий сон. И он скорее связан с посланием, которое прибыло с гонцом из Касугаямы.

– Послание? – выкрикнул Тамэкагэ. – Что-ж ты раньше молчал?

– Я не хотел перебивать вас господин. – Усами низко поклонился и добавил. – Это дурной тон.

– Мы не во дворце Императора, чтобы распалиться на всякие там церемонии! – небрежно отмахнулся Тамэкагэ, немного успокоившись. Его советник всегда вёл себя столь официально, не взирая даже на давнишнюю дружбу с князем. – Выкладывай Усами, что за послание?

Тот снова поклонился и начал:

– Совсем недавно в лагерь прибыл гонец и сообщил, что сегодня, в час тигра⁷, госпожа Тора Годзэн – ваша наложница, благополучно разрешилась от бремени и родила вам сына. Я думаю, что ваш сон связан с этим событием.

– Это как? – не понял полководец.

– А так. – Усами устроился поудобней и продолжил. – Тигрёнок – это несомненно новорожденный, так как он родился в год тигра, в день тигра и в час тигра. А воин... то возможно это был сам Бисямон-тэн, покровитель вашего рода. Ну а врата – те самые Небесные Врата Севера, что он сторожит. – советник, приподнял указательный палец левой руки к небу, пророчески произнёс. – Это несомненно добрый знак господин, ваш сын принесёт мир в эти земли!

Тамэкагэ призадумался.

"Мир значит?" – задал он себе вопрос. – "Но этот ребёнок всего лишь четвёртый сын в семье и шестой из детей, то бишь самый младший. Как он может встать во главе клана?" Князь внезапно стукнул себя по колену:

– Я еду в Касугаяму! – он быстро встал и отдал приказ воинам, стоявшим по обе стороны от него. – Позовите мне моего сына Кагэфусу, Иробэ и Аюкаву! Усами, ты едешь со мной! Я сам хочу посмотреть на этого "тигрёнка Этиго"! Садамицу лишь поклонился в знак повиновения.

* * *

Тамэкагэ не стал брать с собой много слуг и обошёлся лишь Усами Садамицу с тридцатью самураями. Они тут же отправились из лагеря, как только князь раздал приказы своим подчинённым. Вместо себя, командовать армией, он оставил своего старшего двадцатипятилетнего сына Кагэфусу и на всякий случай приставил к нему двух своих полководцев, Аюкаву Киёнагу и Иробэ Кацунагу.

Кагэфуса несомненно обладал талантами полководца, но иногда за ним наблюдалась крайняя неосмотрительность, граничащая со вспышками гнева, что конечно же мешало здраво рассуждать в непредвиденных ситуациях, а это главное для полководца. Скорее всего, как считал Тамэкагэ, – эти черты передались ему от деда, а тот был неистовым воином.

Отряд спустился с холма, где стоял лагерь и двинулся на север, в сторону моря Нихонкай. Дорога для них была вычищена крестьянами из близ лежащей деревни, так что путь не покажется долгим, не смотря на не утихающую бурю. На пути воинов встретились крестьяне, которые, завидев несущихся путников, тут же упали ниц на обочине, упёршись взглядами в белую, словно лист бумаги дорогу, не смея взглянуть на высокопоставленных особ. Рядом с собой люди поставили корзины, которые несли по-видимому в лагерь к князю, чтобы продать воинам какие-нибудь припасы или аксессуары одежды, сделанные местными рукодельницами. Ни то чтобы воины Тамэкагэ нуждались в помощи крестьян, да ещё и в родной провинции, а просто недавние волнения в Кинки⁸, связанные с восстаниями религиозных сект икко-икки, перенес-

⁷ Час тигра – с 3 – 5ч., ночи.

⁸ Кинки – область центральной Японии.

лись на соседние провинции Кага и Эттю. Эти фанатики икки собирали под своё крыло всякий сброд; крестьян, ронинов, обнищавших самураев, разбойников, торгашей, перечислять можно до бесконечности. И вот некоторые крестьяне, которым виднелось надоело горбатиться на разжиревших даймё, решили попытать счастья в злополучной секте. Некоторые просто бежали из деревень, другие пытались поднять бунт, были даже такие, кто убивал самураю или ашигару и давали дёру через границу, прихватив с собой амуницию убиенного. Многих ловили. За убийство следовала казнь, за бунт отрезали язык, уши и выкалывали глаза. За простой побег наказания не были столь суровы, но обрекали деревню беглеца на определённые повинности, например, удваивали налог. Тамэкагэ не был тираном, просто в сложившейся ситуации, когда страну раздирали войны между кланами провинциальных князей, другого выхода он не видел.

Бывали и такие случаи, когда вражда возникала и внутри клана, между родными людьми. Нагао и сам являлся участником такого раздора. Изначально он был кокудзин – самураем, вассалом даймё, имеющим владение на его земле. Таким даймё был Уэсуги Фусаёши сюго⁹ провинции Этиго. Тамэкагэ во всём помогал ему; в управлении землёй, людьми и конечно в военных делах. Фусаёши являлся лидером одной из ветвей клана Уэсуги – Яманочуи, и воевал как против чужих, так и против своих. Фусаёши не было равных в войне, пока за его спиной стоял Нагао. Но в один прекрасный день Тамэкагэ разочаровался в своём господине.

Однажды, когда Нагао Ёшикагэ, отец Тамэкагэ, воевал в провинции Эттю, он попросил Уэсуги о подкреплении. Но Фусаёши, по неизвестным причинам, отказал в этой просьбе и Ёшикагэ погиб в неравном сражении. Тамэкагэ, узнав об этом, решил отомстить. Он заручился поддержкой слабовольного пасынка Фусаёши, Сададзанэ и от его имени поднял восстание. За этим последовала череда сражений и сюго поднял свою армию, с целью наказать дерзкого Нагао. Но, талантливый полководец вышел победителем. После, Тамэкагэ засел в своём замке и стал терпеливо ждать самого владетельного сюго Этиго. Фусаёши пришёл и осадил замок. Во время осады Тамэкагэ донимал своего бывшего господина ночными вылазками и некультурно отзывался о нём с помощью посланий и выкриков со стен укреплений. Вскоре и вовсе Тамэкаге вырвался из замка и ударил по измождённому Фусаёши, вызвал его на поединок и победил. Многие вассалы Уэсуги поддержали Тамэкагэ в его победоносном шествии, и в итоге получилось так, что Уэсуги были лишены своих владений в Этиго, оставив, однако за собой титул сюго, но только номинально. Таким номинальным правителем стал тот самый приёмный сын погибшего, Уэсуги Сададзанэ. А Нагао стал даймё и истинным правителем земли, некогда принадлежавшей клану Уэсуги. Тамэкагэ обосновался на горе Касуга, находившейся недалеко от побережья моря Нихон и построил там хорошо укреплённый замок с одноимённым названием. И вот прошло с тех пор двадцать лет, а клан Нагао до сих пор правит, отражая нападки недоброжелателей.

Тамэкагэ и его воины сильно не гнали лошадей, но поспешали, дабы не оставаться на долго при столь неблагоприятной погоде. Всю дорогу они ехали молча. Четверо самураев скакали впереди, для разведки дороги, мало-ли что, следующим ехал сам князь Нагао, Усами чуть отставал от него. Замыкали отряд остальные воины, их ноברי – флаги белого цвета с черным моном, колыхались на встречном ветру за их спинами.

Тамэкагэ не хотел говорить, он был занят мыслями.

Верно ли то, что сказал ему Садамицу? Если да-то как быть?

Кагэфуса-старший сын, наследник Тамэкагэ и после его смерти все владения отца перейдут к нему. Князь не то чтобы любил Кагэфусу, но уважал за стремление постичь путь воина. Сам же первенец обладал волевым характером, иногда даже перечил отцу, на что Тамэкагэ старался не обращать внимание, переключался на что-нибудь другое, делая вид, что разговор с глупцом его не занимает.

⁹ Сюго – губернатор, владетель провинции.

Второй – Харукагэ, был чересчур воинственным, чего не могли сказать по его внешности. Нрав конечно боевой, но сам, – долговязый, костлявый, слабый здоровьем, так как постоянно простужался в зимнюю пору. В ветреную и дождливую погоду носу из дому не показывал, какие уж там битвы. Хотя с мечом, копьем и луком обращался искусно, только вот сил в руках не доставало. Впрочем, не особо жаловал отец Харукагэ, зато старейшины клана видели в нём будущую игрушку, кем можно управлять. Ещё-бы, норову вон сколько, а силой и умом ками его обделили.

Малышке Айе было семь лет отроду, но писать и читать она умела уже с четырёх лет, блистала своим умом и прозорливостью, скромна, не шаловлива, к взрослым относится с глубоким почтением, очень любит отца. Она, в своём раннем возрасте уже выучила несколько сутр и по особым случаям молилась вместе со взрослыми в храме. Её Тамэкагэ любил, но Айя, как не крути, станет девушкой, а для девушки в самурайской семье одна дорога-замужество и другой клан. Он старался не привязываться к ней сильно. «Вырастишь, выйдешь замуж, будешь вертеть своим мужем, словно куклой в кукольном театре! Умом ты вся в меня пошла!» – говорил дочке Тамэкагэ, когда брал её на колени. Когда она уходила спать, постоянно тяжело вздыхал, – «Да уж, была-б она мужчиной!»

Нагао уставился вдаль, очнувшись от мыслей. Касугаяма уже показалась. Снежная буря, будто не трогала её, а обволакивала, образуя обширную воронку и устремлялась ввысь. Замок стоял, чудесного сияния уже не было, так же, как и ворот на вершине. Тамэкаге с облегчением вздохнул, что сон оказался только сном. Вот только "тигрёнок" оказался явью.

– Кем быть ему среди всех этих детей? – пробормотал себе под нос даймё.

"Ах да!"-он внезапно вспомнил о последнем, как оказалось не совсем, ребёнке. - "Чикаро." Тот был совсем ещё мал. Только под новый год ему надели мужскую одежду и вручили мечи, специально сделанные для его возраста. О нём и говорить нечего, он был неразговорчив, но тянулся к грамоте. Спеси в нём не было, к пути воина он тоже не стремился, - "Значит станет монахом, займётся поэзией, но воина из него точно не выйдет, я это вижу, как луну на небе."-говорил своим вассалам Тамэкагэ. Был и ещё один вариант; Чикаро могут отдать в другую семью, бездетную или для заключения союза. В принципе это ожидало и новорожденного. После второго сына в клане, остальным дорога заказана – побриться в монахи, быть усыновлённым другим кланом или стать заложником, но это в случае захвата их территории другим даймё. Хотя...Если рассудить. Наследники иногда умирали ещё до наследования, или их убивали...

Тамэкагэ снова пришёл в себя, когда проезжал третий двор своего замка, дальше второй. Главный двор назывался хонмару, находился он на самой вершине горы Касуга. Стены его стояли на земляной насыпи обложенной камнями и возвышались над вторым двором на три кэн¹⁰. Внутри располагалась главная башня, собственно замок, высотой в два этажа, а вокруг неё стояли ясики-поместья даймё и вассалов.

Тамэкагэ добрался до вершины уже к полудню, в час лошади¹¹. Он отдал слугам поводья своего коня, а сам направился к женскому дому, где жили его жёны и их служанки. Все дома тщательно охранялись самураями клана Нагао, проверенные и безукоризненно повиновавшиеся лишь приказам князя, или его старшей жене. Тора Годзэн была второй женой Тамэкагэ, по существу, наложницей, принёсшей ему Айю и вот, наконец, сына.

Даймё подошёл к воротам, ему без лишних вопросов открыли стражники, дальше он проследовал к главному входу, где его уже ожидали три служанки.

– Добрый день Тамэкагэ-сама! – пролепетала самая старшая, стоявшая посреди остальных.

¹⁰ Кэн-около 2м.

¹¹ Час лошади-с 11-13ч., дня.

Князь молча снял ботинки, поднялся на веранду и пошёл вовнутрь дома. Одна из служанок спешно открыла ему сёдзи и вот он уже широко шагал по внутреннему коридору, дом был переполнен ими, но Тамэкагэ знал каждый закоулок. Старшая служанка не отставая семенила за ним. Она уже давно знала своего господина и привыкла к его широким шагам, когда многие молодые или новенькие служанки не поспевали за ним, а ещё того хуже путались в спешке в своих узких косодэ, запинаясь и падали. Звали её Ясу. Она была старшей служанкой у госпожи Торы уже двадцать лет и нянчила её с самого детства.

Наконец Тамэкагэ добрался до своей комнаты, где принимал аудиенцию у своих жён и давал им указания. Он не простоял и доли мгновения, подоспевшая Ясу тут же раздвинула сёдзи и князь проследовал внутрь. Он добрался до возвышенного помоста в дальней части комнаты, где его ждали мягкие подушечки-дзабутон, деревянный, лакированный подлокотник и подставка для мечей. Тамэкагэ снял свой тачи, аккуратно положил его на подставку, позади себя и удобно устроился на подушке, придвинув подлокотник к правой руке. Ясу ждала его за раздвинутыми створками, склонившись в низком поклоне, едва ли, не касаясь лбом пола. Ожидала указаний.

– Как здоровье госпожи Торы? -поинтересовался Тамэкагэ.

– Госпожа ещё нехорошо себя чувствует после родин и просит простить её за то, что не встретила вас как подобает. -ответила Ясу не поднимая взгляд.

– Как моя другая жена? -продолжал допрос Нагао.

– Госпожа Судзумэ не отходит от госпожи Торы не на шаг. -служанка поклонилась ещё ниже. -Она во всём помогала ей при родах.

Тамэкагэ улыбнулся краешком рта и одобрительно кивнул.

– Я могу видеть сына? Ведь вести правдивы и у меня родился четвёртый сын?

– Да господин! -в голосе Ясу слышались нотки искренней радости. -Великолепный малыш! Такой красивый...но...

– Что, но! -воскликнул князь, услышав подозрительный ответ прислуги. Он поднялся на одно колено и даже невольно положил руку на рукоять танто, что торчал за поясом. -Не огорчай меня Ясу! Отвечай!

– О, мой господин! -запричитала она, без конца кланяясь. -Не расстраивайтесь, здесь нет ничего дурного. Просто мальчик родился уж как четыре часа, а до сих пор ни разу не заплакал. Мне показалось это немного странным, ведь дети обычно плачут при рождении.

– Оставь свои мысли при себе женщина! -твёрдо ответил Тамэкагэ, он уже не гневался, а наоборот стал даже очень довольным. Он вернулся в исходное положение, подпер кулаком подбородок, состроив задумчивую мину. -Значит ни разу не заплакал? -переспросил он.

– Точно так господин.

– Это хорошо. -Нагао встал с дзабутона, взял свой меч с подставки и направился к выходу. Ясу, не вставая с колен, отползла назад и села с краю у входа за сёдзи, пропуская своего даймё.

– Я хочу, чтобы мне принесли моего сына в замок. -сказал он, выходя в коридор. -Через час.

– Как будет угодно господин Тамэкагэ. -повиновалась Ясу. -Кому это поручить?

– Займись этим сама. -сказав это он пошел из дома.

– Это огромная честь для меня. -ответила служанка ему вслед.

За этот час Тамэкагэ успел принять ванну, привести волосы в порядок; зачесал назад и уложил на темени в хвост и переоделся в повседневную одежду. Поверх простого чёрного косодэ, была надета белая дзинбаори. Посреди спины, на куртке красовался мон клана Нагао. Хакама были того же цвета, а за поясом торчал малый меч вакидзаси.

После своих приготовлений Тамэкагэ направился в приемную часть замка, расположенную на втором этаже. Это была обширная комната, украшенная расписными ширмами, с изображением красочных животных, нарисованных в ханьском стиле. По обоим краям комнаты, от

входа до возвышенного помоста, где восседал князь, были постелены четырёхугольные соломенные циновки для вассалов. За помостом, на дальней фусума¹² изобразили грозного Бисямон-тэна. Когда князь вошёл в приёмную, вассалы разом распластались в низком поклоне, так и не вставали пока Нагао Тамэкагэ не устроился на своём месте, на помосте. Они дожидались его здесь с самого его приезда. Усами собрал всех, кто находился в это время в замке, объявив, что князь хочет сообщить очень важное известие.

Сам Усами Садамицу, сидел по левую сторону от князя возле помоста. За ним, другой вассал клана Наоэ Кагэцуна и представитель младшей ветви клана Нагао Тошикагэ. С правой стороны; Хондзэ Ёшихидэ, Тэрута Хидэтака, Нагао Харукагэ – сын князя и многие другие. Все замерли в ожидании слов господина, некоторым не терпелось поскорей закончить это собрание и заняться своими делами.

Одним из таких "некоторых" был Харукагэ. Он презрительно ухмылялся, делая вид, что ему не интересно, что скажет отец. К тому же он вполне догадывался, о чём пойдет речь. И ему становилось от этого противно. Харукагэ итак не устраивала роль второсортного представителя клана, а тут еще появился новый наследник. Хоть и четвёртый.

Время шло, а Тамэкагэ молчал. Молчали и остальные, не смея нарушать мёртвую тишину. Наоэ, нервно замешкался. Этот вассал отличался своим весёлым, добродушным характером и непреодолимой тягой к женщинам, точнее к тому, что находится у них под одеждой. Садамицу незаметно отдернул его за рукав, призывая к спокойствию. И Наоэ стал снова ждать, правда, с прежним нетерпением. Вскоре сёдзи раздвинулись и на пороге, не переступая черты дверного проёма, склонился стражник и объявил:

– Служанка госпожи Торы, Ясу! – он быстро спрятался за створки со стороны коридора и пропустил вперёд женщину, которая несла в руках смотанный свёрток тканей.

Пока Ясу аккуратно подходила к помосту, Садамицу встал с колен, быстро прошёл до середины приёмной и постелил циновку для служанки перед князем, потом тем же путём вернулся назад. Ясу медленно села на подстилку, не опуская из рук свёрток. Тамэкагэ приблизился к краю помоста и протянул руки к женщине, та в свою очередь передала свёрток князю и учтиво склонилась. Нагао развернул ткани, чтобы лучше разглядеть закутанного в них ребёнка. Глаза его блеснули, когда он увидел этот не по младенческий серьёзный взгляд чёрных глаз. Он невольно вспомнил тигрёнка из своего сна, то был точно такой же взгляд. Князь покосился на Усами.

Ребёнок в свою очередь, вел себя очень спокойно. Подробно изучив лицо отца, он потянул к нему маленькие, пухленькие ручонки. Тамэкагэ улыбнулся.

– Я, Нагао Тамэкагэ, -неожиданно начал он. Вассалы долгожданно посмотрели на господина. Князь продолжал. -сын Нагао Ёшикагэ, правитель Этиго и твой отец! -все поняли, что он обращается к младенцу. -Нарекаю тебя Торачиё – что значит-"рождённый под знаком тигра"!

¹² Фусума – раздвижные перегородки между комнатами в японском доме.

Глава 2

Не у дел

5-й год Тэнмон (1536). Этиго, Касугаяма.

Весна пришла мгновенно. Казалось ещё вчера гору Касуга покрывала шапка толстого слоя снега, как вдруг она превратилась в стремительные потоки воды и ринулась вниз с горы на поля и дома крестьян у подножья. Но, местные обитатели не впервой сталкиваются с такими трудностями. Они предусмотрительно прорыли каналы для отвода весенних паводков и разрушительная стихия, запутанными лабиринтами, обходя все важные участки, уходила в озеро у подножья или в долину к западу от горы.

Крестьяне, переборов стихию, начали возделывать землю для скорого посева риса. Их поля, тянулись от восточного склона горы и рассыпались по долине на юг. В этом году пророчили хороший урожай, значит, жители Этиго не будут голодать, и скорей всего смогут позволить себе немного повеселиться на праздниках. Хотя, прежде им придётся закончить строительство, затеянное князем Тамэкагэ, как только растаял снег.

Хотя Касугаяма итак была практически неприступна, но Тамэкагэ твёрдо решил возвести дополнительные постройки. А в будущем намеревался превратить свою твердыню в город-замок, со своей главной площадью, улицами, рынками и всем прочим. Такое его решение имело свою логику. Он был человек не из трусливых, но прекрасно понимал, что в нынешнее время обязательно нужно обезопасить свою территорию от посягательств других даймё.

Война идёт за каждый клочок земли. Слуги свергают своих хозяев, мелкие авантюристы, благодаря своему коварству, провозглашают себя князьями, крестьяне, ворьё и спятившие монахи завоёвывают целые провинции, как это случилось с Кагой пять лет назад. Казалось, мир перевернулся с ног на голову. Куда подевались старые традиции, понятие о чести, уважение к господину, родителям и богам. Теперь сын может убить отца или брата за наследство, нищий может зарезать самурая как паршивого пса, враги атакуют без предупреждения, а сёгуна вообще перестали воспринимать как правителя страны. Всё это пугало и оскверняло память предков, но выхода уже нет, люди сами сотворили эту реальность, которая двести лет назад казалась бы кошмарным сном. Возможно, когда-нибудь появится тот, кто объединит эту погрязшую в распрях землю, но пока, его нет и Тамэкагэ - человек этой эпохи, собирается, если и не объединить, то по крайней мере защитить свою землю.

За последние шесть лет, после того как в клане Нагао родился младенец, названный Тора-чиё, Тамэкагэ усмирил восстание крестьян в Этиго и добился союза с кланом Дзинбо из Эттю. Он обещал им военную помощь в случае новой напасти со стороны сект икко-икки. И эта напасть случилась.

В первый год Тэнмон в Кага вспыхнуло восстание злополучной секты. И как это было не прискорбно, оно состоялось. За год икко-икки завоевали всю провинцию и стали угрожать соседям Дзинбо. В следующем году они напали на торговый город Сакай, потом сожгли монастырь в Наре и наконец, вторглись в столицу которая еще не оправилась от десятилетней войны¹³ в конце прошлого столетия. Если им дать вторгнуться в Эттю, тогда Тамэкагэ потеряет всякую защиту на западной границе. Потому как Дзинбо не смогут долго сопротивляться бешеным фанатикам, или просто перейдут на их сторону. Тогда Этиго будет грозить новая опасность. Снова бунты, разорение земель и война. Этого Тамэкагэ не хотел. И поэтому созвал совет в главной башне замка Касугаяма, куда явилось множество его вассалов и союзников.

¹³ Имеется в виду война Онин продолжавшаяся с 1467 по 1477 годы и положившая начало эпохи Сэнгоку – дзидай.

Все расселись, как обычно, по обе стороны зала, вдоль стен. Вассалы громко обсуждали предстоящие события; некоторые побаивались дурной славы икко-икки и поэтому всячески пытались отговориться от похода в Кагу, другие наоборот, хотели, как можно быстрее покончить с фанатиками, но были и такие, которые вынашивали совсем другие планы на этот счёт и восстание в Каге весьма поспособствует этому.

В зал вошёл князь Тамэкагэ и устроился у себя на помосте. Рядом, по левую сторону, на подставке стоял меч, рукоятью вниз, а справа подлокотник, на который Тамэкагэ любил облокачиваться. Вассалы, увидев князя, тут же закончили свои дискуссии, дружно поклонились, почти до пола и молча стали ждать, когда Тамэкагэ скажет первое слово. Князь Нагао оглядел всех присутствующих, остановив взор на своём любимчике и друге Усами Садамицу. За это время советник князя, кем Усами и являлся, отрастил тонкие усики и козлиную бородку. Его узкие и хитрые глаза бегали, созерцая каждую мельчайшую деталь, по сидящим в зале оппонентам, будто ища какой-нибудь изъян в каждом.

– Вы все знаете зачем мы здесь собрались, – начал внезапно Тамэкагэ. – поэтому не скрывая говорю вам. Я намерен без лишних промедлений собрать армию и двинуться на Кагу! – Вассалы молчали, ожидая от князя ещё чего-нибудь. – Но! Я не откажусь услышать ваши предложения. – Его голос стал тихим, а лицо приобрело хмурое выражение. – Я знаю, что икко-икки опасны и не стоило-бы так опрометчиво и скоро собирать войска, не изучив до конца противника. Но, на кону наша жизнь и жизнь наших потомков, процветание нашей провинции и дальнейшие дела. Поэтому, тот кто останется добровольно защищать Этиго, не будет считаться трусом и предателем! – Сказав это, Тамэкагэ в глубине души надеялся, что не пожалеет об этом, ведь не все вассалы были слепо преданы своему господину. Точнее, таких было много. Первым высказался суровый полководец с севера Этиго Иробэ Кацунага.

Ему было сорок четыре года, но он мог дать фору любому молодому воину. Крепко сложенный, волосатый, устрашающий, словно горный они¹⁴, он проревел во всю свою глотку, что у близ сидящих заложило уши:

– С каких это пор, вы князь Тамэкагэ боитесь этих оборванцев икки?! Чем могут быть опасны те, кто ещё вчера держал мотыгу в руках, а то и вовсе обчищал карманы у прохожих! Я и мои горные воины разорвут их в клочья! – Для подтверждения своих слов Кацунага взмахнул руками, будто разорвал незримого человека напополам, и зарычал, словно дикий зверь.

– Ты заблуждаешься Кацунага. – Спокойно ответил Тамэкагэ. – Это не те взбунтовавшиеся крестьяне, которых ты гонял по двум провинциям шесть лет назад. Это бешеные фанатики, которым помутила разум извращённая проповедь Дзёдо Синсю¹⁵.

– И что-же в них особенного? – Не умолкал Кацунага. – Как может безмозглый фанатик, противостоять обученному боевому искусству закалённому воину?

– Очень просто. – за князя наконец решил вступить Усами Садамицу. Он вопросительно взглянул на озлобленного Кацунагу. – Скажите господин Иробэ, когда ваши воины идут в бой, то за кого они сражаются?

Тот покривился. Ему были чужды церемонные речи Усами, но он уважал его мудрость и храбрость, поэтому не стал грубить ему и ответил:

– Они идут в бой за своего господина, они готовы умереть за него!

– Все как один? – спросил Усами.

– Да! Они никогда не нарушают боевые порядки!

– Я говорю не о боевых порядках, – оспорил ответ Усами. Иробэ Кацунага посмотрел на него недоумевающим взглядом. – Самураи, – продолжал Садамицу. – зачастую соперничают

¹⁴ Они – в японской мифологии, мистические существа в которых превращались после смерти люди не сдерживающие свой гнев при жизни. Напоминали европейских огров, их основным атрибутом была набедренная повязка из тигровой шкуры и палица – канабо.

¹⁵ Дзёдо Синсю – в буддизме, "Чистая земля".

между собой за тот или иной трофей, дабы похвастаться перед своим господином или из-за награды. Ашигару слушают лишь приказы командиров, поэтому и шагу не ступят без команды, а то и вовсе побегут. – Усами погладил козлиную бородку. – Икко-икки, идут в бой как один, они считают друг друга братьями, а последователи Синрана¹⁶ настолько извратили изначальную суть веры, что заставили их верить будто после смерти они попадут в "Чистую землю"-лучшую жизнь. Там они будут купаться в роскоши, и не будут знать забот этого брэнного мира.

– Нелепица какая-то! -Буркнул Наоэ Кагэцуна, сидевший рядом с Усами. -Если им так хочется покинуть этот мир, для развлечений, пусть вскроют себе животы и всё тут. Зачем идти для этого в бой?

– А для этого, господин Наоэ и нужны главы в сектах, дабы своими проповедями направить послушников в нужное русло. По их учениям, попасть в "Чистую Землю" можно лишь сложив голову в бою. -Ответил Усами нетерпеливому Наоэ. -Чтобы популярность секты росла, нужны деньги и земли, а их, в наше время, можно достать лишь с помощью оружия и военных действий.

– Но кто их тренирует? -спросил Наоэ Кагэцуна. -Ведь для захвата больших территорий, одной грубой силы недостаточно, нужны опытные полководцы, знающие стратегию, экономику, политику...

– Господин Наоэ! -окликнул его Усами. -Разве вы не знаете, что главы икки-есть бывшие самураи, которых прогнали со своих земель, сохэй¹⁷ из разрушенных во время войны храмах и поговаривают что шиноби из Ига так-же помогают им. И это ещё не предел.

– Слабы они или сильны, неважно! – вмешался в спор Тамэкагэ. – Они представляют угрозу для нашей провинции. И чтобы эта напасть не дошла до нас, мы должны остановить её на нейтральной территории, а ещё лучше, побить врага на его же земле!

– Но это абсурд! – завопил неожиданно Нагао Тошикагэ, брат князя. Он был ошеломлен столь безумной идеей, – атаковать икки на их территории, опасная затея, даже для такого выдающегося полководца как Тамэкагэ. -А вы слышали, что они владеют демонической магией, могут вызывать молнии и становиться невидимыми, летать по воздуху и...

– Что за вздор ты мелешь!?-Озлобленный Иробэ Кацунага заревел ещё пуще прежнего. -Какая магия! Какие демоны! Я сам стану для тебя демоном, если ты не перестанешь нести свою чепуху! Подобные слова подходят лишь трусам!

– Иробэ, ты забыл с кем говоришь!?-Истерично заорал Тошикагэ.

– А мне трижды плевать что ты брат князя! – Кацунага даже привстал на одно колено и хотел схватиться за меч, но его не оказалось под рукой. Этикет запрещал находиться на совете с длинным оружием, но каждый имел при себе малый меч или кинжал за пазухой.

–Тихо! -громыхнул Тамэкагэ. -Только-что Усами говорил, что мы не можем сражаться как один и вы тут-же начинаете рвать друг друга в клочья! Тошикагэ останется в Этиго, так же, как и Кацунага.

– Что! -возмутился северянин. -Князь я...

– Ты хочешь нарушить приказ!?-Тамэкагэ гневно посмотрел на него.

Князь Нагао не хотел наказывать Иробэ и он очень пригодился бы в бою с икко-икки, но приструнить непокорного и своевольного вассала было необходимо, иначе остальные подданные станут безнаказанно показывать свой нрав в присутствии князя и Тамэкагэ потеряет авторитет. Тем более, если Иробэ Кацунага останется в Этиго, князю будет спокойней.

– Отправляйся на северные границы. Когда мы уйдём, наши позиции ослабнут, и клан Ашина из Ивасиро может воспользоваться этим.

Иробэ почтительно поклонился, скрипя зубами и не умело сдерживая своё недовольство.

¹⁶ Синран – один из основателей секты Дзёдо Синсю, положивший начало течению икко-икки.

¹⁷ Сохэй – воинственный монах.

– В Касугаяме я хочу оставить своего сына Кагэфусу.-Продолжил Тамэкагэ, и взглянул на наследника, ожидая что тот ответит.

Кагэфуса поклонился отцу. Лицо его выглядело беспокойным, было видно, что он не одобрял решение князя. Он, как и Кацунага жаждал битв и подвигов. Его мнение полностью разделял его лучший друг и соратник по оружию, сидевший возле него, Аюкава Киёнага.

– Мой князь, – начал Кагэфуса. -вы сказали, что поход и защита Касугаямы, для многих дело добровольное. Поэтому, я предлагаю вам не торопиться со скорыми решениями. Моё место, в этой кампании, рядом с вами. Вместо себя я прошу оставить Харукагэ. Он не годен к битвам, так пусть занимается управлением дел домашних. -Столь смелое и дерзкое высказывание в сторону своего брата заставило Харукагэ презрительно фыркнуть. Никто не заметил этого, так как заворожено слушали Кагэфусу. Тот продолжал. -Если вы не измените своего решения, я считаю делом чести совершить сэппуку, так как не смогу исполнить свой долг наследника перед вами и своей провинцией.

Тамэкагэ горестно вздохнул. Этого он и боялся. Князь, конечно, порадовался за Кагэфусу, он теперь не тот вздорный мальчишка, что был раньше, но всё же он не понимал тех опасений отца, что таились у него в душе. Оставив Харукагэ в Касугаяме, он вынужден будет оставить с ним и Тэруту Хидэтаку. Тэрута, с детства был опекуном Харукагэ, а теперь стал и его путеводной звездой. Они всегда были вместе. Глупый и слабовольный Харукагэ и хитрый, умный и коварный Хидэтака. Уйди Тамэкагэ из Этиго и возможно, что вернётся он уже не к власти, а к смертному приговору. Но он сказал своё слово вначале совета, и изменить ему, было для него равносильно бесчестью.

– Хорошо Кагэфуса. -ответил он сыну. -Ты и Киёнага пойдёте со мной.

Наследник и его друг благодарно поклонились.

– Какие ещё будут предложения?

* * *

После совета Нагао Тамэкагэ вышел в дурном расположении духа. Ему не нравились результаты, к которым пришли он и его вассалы. Единственным былым пятном было то, что за хозяйственными делами присматривать он оставил Наоэ Кагэцуну. Тот был хоть и бабником, но с возложенным на него поручением справлялся вполне приемлемо. Да и в общем, Наоэ человек образованный, знающий военную стратегию, вездомый в экономике, прекрасный каллиграф и счетовод. Так что его недостаток тяги к женщинам вполне окупался его высокими познаниями. Еще, кроме дел хозяйственных, Кагэцуна должен был присматривать за Тэрутой Хидэтакой, и в случае переворота постараться устранить его или самого Харукагэ. Так как без Харукагэ Тэрута не добьётся нужного влияния и будет признан мятежником. В глубине души Тамэкагэ надеялся, что этого не произойдёт. Но фактом оставалось то, что Харукагэ ненавидит всё и вся, связанное с его семьёй. Возможно он даже не пожалел бы и свою мать, леди Судзумэ, которая больше всех любила Кагэфусу, а сейчас во всю боготворит Чикаро – своего младшего, которому в этом году исполнилось одиннадцать. А сегодняшнее, резкое высказывание Кагэфусы по отношению к Харукагэ озлобило его сердце ещё сильнее. Так-что уход отца в поход в другую провинцию может послужить хорошим поводом для становления влияния Харукагэ, а Хидэтака наверняка уже придумал какой-нибудь злокозненный план.

Выйдя из замка, Тамэкагэ решил пойти и проведать своего младшего сына. Торачиё в это время обучался искусству боя в додзё у мастера Корисина и успехов в этом нелёгком деле пока не достиг. Поэтому Тамэкагэ решил обговорить его дальнейшее обучение с сэнсэем.

Князя сопровождал Усами Садамицу

– Господин, вы чем-то не довольны? -Аккуратно проговорил Садамицу.

– С чего ты взял? -Вопросом на вопрос ответил Тамэкагэ, не глядя на своего спутника.

– Я много лет знаю вас, поэтому не задумываясь могу сказать, что вы в дурном расположении духа. -Пояснил Усами.

– Старый хитрец! От тебя ничего не скроешь! -Князь наконец взглянул на своего советника. -Тогда ты, наверное, заметил то, что произошло на совете?

– Несомненно. -Усами почесал козлиную бородку и спокойно произнёс. -Вы совершили ошибку мой господин. В начале совета, вы произнесли одну фразу, по которой Кагэфуса понял, что он не обязан оставаться в Касугаяме и происшествие с Иробэ тоже не заслуживает похвалы.

– Не приструнит я его, многие бы тоже посчитали вольным говорить всё что вздумается, не считаясь со своим даймё! -Обозлился Тамэкагэ.

– Я не об этом мой князь. -Снова оспорил его Садамицу. -То, что вы отправили Кацунагу стеречь северные границы, за его вольно-изречение, это хорошо.

– Тогда что я сделал не так, демон тебя задери!?

– Вы совершили глупость оставив в Этиго господина Тошикагэ. -Не обращая внимание на ругательство князя, ответил Усами. -Я так понимаю, вы тревожны за то, что после вашего ухода Харукагэ и Хидэтака начнут вести свою игру?

– Совершенно верно! -сквозь зубы процедил князь Нагао.

– А как вы знаете-Тошикагэ находится в близких отношениях с Харукагэ. -Пояснил Садамицу.-Значит Хидэтака, с помощью вашего сына, может повлиять на вашего брата, ведь он не отличается столь железной волей как вы.

– И что ты предлагаешь? -Тамэкагэ понял, что Усами прав и в надежде воззрился на него.

– Вы сказали, что оставите Нагао Тошикагэ в Этиго но, не сказали где. -Усами сузил глаза, он так делал всегда, когда придумывал какую-нибудь хитрость. -И я так понимаю, вы не измените своему слову?

– Нет! -Твёрдо ответил князь.

– Тогда, отправьте его на границу с Этю. Пусть прикрывает наши тылы.

– Это покажет, что мы опасаемся удара в спину. -Не согласился Тамэкагэ. -От своих же.

– А вы поясните на ещё одном совете, что Тошикагэ будет выполнять функции резерва. -Снова выкрутился Усами. -Так он останется в Этиго, но будет подальше от Касугаямы, и в случае чего, не сможет поддержать Харукагэ и Хидэтаку, не осмелившись покинуть границу и нарушить ваш приказ.

Тамэкагэ призадумался.

– Может ты и прав. -Наконец согласился он. -Я так и сделаю. Но думаю, что Хидэтака и мой сын не будут вести открытую деятельность, так как Наоэ надзирающий над всеми делами будет приглядывать за ними.

– Порой, тайная война бывает куда коварнее, войны открытой. -Философски заметил Садамицу.

Тамэкагэ лишь небрежно хмыкнул в ответ.

Они прошли немного в полном молчании. Усами не отводил пристальный взгляд со своего даймё. Тамэкагэ сначала не придавал этому значения, но потом, не вытерпев, раздражительно выкрикнул:

– Долго ты будешь на меня пялиться!?! Я кажется, всё тебе сказал!

– Нет, не всё. -снова оспорил слова князя Садамицу. -Вы что-то хотите скрыть от меня? -он погладил бороду, задумавшись на мгновение. -Вы хотите что-то сделать с Торачиё?

– Старый плут! -выругался Нагао. -Есть в этом мире что-нибудь, чего ты ещё не знаешь!?

– Иначе господин, вы бы не пошли после совета в додзё Корисина. -пояснил свою догадку Усами. -Вы никогда туда не ходите без надобности.

– Ну так может я иду по делу к Корисину? -сказал князь пытаясь провести Садамицу.

– Тогда, – советник ничуть не помедлил с ответом, будто был готов к нему. -вы бы дождались, когда кончатся занятия, дабы не отвлекать почтенного сэнсэя от его труда, или пошли

бы посмотреть, как тренируются ваши воины с часа дракона до часа змеи. Но... Сейчас час обезьяны-то самое время, когда тренируются дети. В том числе и ваш сын.

Тамэкагэ лишь махнул рукой на своего вассала, мол, что толку разговаривать со всезнающим и вездесущим. Немного обдумав свои слова, князь решил открыться Усами.

– Я обдумывал своё решение, но так и не пришёл к единому мнению. -начал Нагао.

– Говорите мой господин и мы придём к нему вместе. -поддержал его Садамицу.

– Возможно мне стоит отдать Торачиё какому-нибудь из своих вассалов на усыновление. -продолжил Тамэкагэ неуверенно. -В связи с тем, что будет твориться в Касугаяме после моего отъезда, я подумывал уберечь Торачиё от возможных бед. Но, если я его отдам, тогда он перестанет быть моим сыном, и тот сон, что ты истолковал как пророчество не сбудется. - Тамэкагэ замолчал. Его всегда волновала жизнь провинции, в которой он правил и что станет с ней, когда он отправится в круг перерождений. Он не сомневался, что если наследником будет Кагэфуса, то из-за его своевольного нрава Этиго погрязнет в смуте, которая творится сейчас по всей стране. А Харукагэ и подавно. Посеет хаос или отдаст всё, что создал Тамэкагэ Тэрута или кому-нибудь из своих врагов.

– Есть другой вариант мой князь. -после этих слов, произнесённых Садамицу, у Нагао появилась надежда, что Усами всегда найдёт выход из самых запутанных положений. -Я предлагаю не отдавать Торачиё в другую семью, но и оставлять в замке его тоже опасно. -Садамицу снова начал гладить свою бороду, что входило уже в привычку.

– Хватит теребить свою козлиную бороду старый злодей! -нервно выругался Тамэкагэ. - Выкладывай, что надумал!

– Я думаю, -не, сколько не обидевшись на князя начал Усами. -нужно отправить мальчика обучаться к монахам в Ринсэндзи. Пусть постигает дзэн до совершеннолетия, заодно его там научат и боевой стратегии, и боевому искусству. Если во время нашего отсутствия произойдёт непредвиденное, в монастыре его никто не тронет. А вот Чикаро стоит поручить заботам Иробэ Кацунаги. Он то, научит мальчика, что в этой жизни науку стоит сочетать с военным искусством.

– Возможно это хорошая идея, -согласился Тамэкагэ. -Но я всё равно подумаю над этим. А сейчас прошу оставить меня Усами, в додзё я пойду один.

– Прошу меня извинить мой господин, я ухожу. – Садамицу учтиво поклонился и ушёл в противоположную сторону от князя.

Додзё располагалось чуть ниже, к западу от замка, на территории второго двора. Оно не было столь примечательным и отличалось от школ боевых искусств, в столице. Стенами сего заведения служили аккуратно выложенные камни в форме прямоугольника, не превышающие рост человека. По краям, возле этих камней обычно сидели ученики и внимали своему сэнсэю. В центре каменного прямоугольника находился грубый дощатый помост той же формы что и расположение "стен". Нередко ученики при падении цепляли себе занозы на тело, что вызывало возмущение у взрослых самураев, а у молодёжи слёзы. Но Корисин всегда говорил на это одну и ту же фразу, -"Чем хуже условия, тем крепче становится дух!". На дальнем конце додзё находился дом Корисина, с виду не примечательная лачужка, где жили два человека, сам мастер и его племянница, которая прислуживала подопечным дядюшки. Но вот, что нравилось Тамэкагэ в простом жилище Корисина, так это сад за домом. Там находился лишь навес, под которым сэнсэй любил пить чай и несколько деревьев сакуры. Незатейливая обстановка, скорее подходящая для обнищавшего крестьянина, весьма способствовала забыть все мирские дела и отдаться созерцанию вишни во время её цветения, не думая о грядущем.

Тамэкагэ любил приходить сюда, хотя ему это удавалось очень редко, порой на него снисходил здесь здравый смысл, и он мог находить ответы на мучающие его вопросы.

Подойдя к додзё, Тамэкагэ застал тренирующихся, двух мальчиков, на помосте. Они сошлись в ожесточённой схватке, словно находились на поле брани и были врагами. Один из них был тучный мальчишка, с пухлыми губами и озверевшими круглыми глазами. Он насту-

пал вперёд на, гораздо меньшего, но длинноногого противника, который что и делал как пропускал удары и получал от пухлого деревянным мечом то по голове, то в грудь, то по рукам и ногам. Тамэкагэ не стал подходить близко, а устроился вдалеке под тенью сосны, что стояла в нескольких кэн от "стены" и стал наблюдать.

* * *

Торачиё упал, уже в который раз, получив от Сангомару удар деревянным мечом по голове. Сколько он не пытался одолеть своего более сильного соперника, у него это не вышло. Мальчик пытался уворачиваться, придумывал обходные манёвры, просто слепо шёл в атаку, но всё было тщетно, все его атаки разбивались, словно о железную стену. Торачиё снова и снова получал удар за ударом, что вызывало смех у других учеников и раздражение сэнсэя. Корисин изо дня в день пытался вбить мальцу в голову искусство поединка, но тот словно пропускал его наставления мимо ушей.

– Сдавайся "Стройняшка", тебе не победить! -выкрикнул озлобленно Сангомару.

"Стройняшка" – так называли Торачиё злые языки его сверстников. Такое прозвище было ему дано из-за длинных и стройных ног, которые отличали его от всех остальных детей. Это обижало Торачиё, но он, будучи очень спокойным и замкнутым, сдерживал обиду в себе, тем более что сэнсэй поучал – не поддаваться гневу.

– Ну что Стройняшка, не получается меня одолеть! -продолжал подначивать Сангомару. – Вставай и сражайся, или сдавайся и беги с позором...Княжеский сынок! -подчёркнуто добавил пухлый мальчишка. Эти слова не понравились не только побитому Торачиё, но и Корисину, который стоял с краю у помоста.

Всё это злоязычие происходило потому, что мастер установил у себя в додзё небольшой свод правил, которые ограничивали некоторых детей в их поведении, а некоторым давали волю по злорадствовать. В эти правила входило следующее: в додзё нет места детям самураев, князей или крестьян, – все здесь равны и относятся друг к другу, как к равным и почитают лишь учителя; выполнять все требования сэнсэя и беспрекословно подчиняться ему словно своему господину; не сражаться в неустановленных учителем поединках; нельзя есть, пить и спать в не отведённое для этого время, и ещё немного другое. И только лишь благодаря этим правилам Сангомару безнаказанно, как ему казалось, оскорблял своего соперника.

Сам он был сыном бедного самурая-пехотинца, который несколько лет назад отличился в сражении и вместо награды для себя, упросил князя устроить в додзё своего сына, дабы тот добился больших успехов на военном поприще, нежели его бедный отец. Князь согласился. И вот что вышло.

– Какой ты жалкий Стройняшка, совсем не умеешь драться! А ещё сын князя, хотя... ты даже не наследник, а так, никому ненужная обуза! -не мог уgomониться Сангомару, думая, что ему это сойдёт с рук.

Торачиё покраснел от обиды, не кто не знал сколько сил ему стоило сдерживать себя. Он прекрасно понимал о чём говорит его пухлый соперник и в какой-то степени он был прав.

Так уж случилось, что Торачиё был четвёртым сыном в семье князя и довольно нелюбимым в своём клане. Все относились к нему с явной недоброжелательностью, что крайне расстраивало мальчика. Старший брат Кагэфуса постоянно делал вид, что не замечает его, даже когда тот обращался к нему с каким-нибудь вопросом. Харукагэ порой, подначивал Торачиё и говорил обидные слова, наподобие тех, что потоком лились из Сангомару. Третий сын князя, Чикаро ежедневно занимался самопознанием в литературе вместе со своей матерью госпожой Судзумэ и говорил, что общение с глупым неумехой Торачиё ему претит. Отца он практически не видел, так как тот занимался лишь войной и политикой, а в свободное время встречался со своими вассалами. Лишь изредка, когда Тамэкагэ посещал Тору, мать Торачиё, он доста-

ивал сына парой фраз, типа: "Учись усердно" или "Не унывай". Единственным его другом в семье была Аяя, родная сестра Торачиё. С ней он мог поговорить и излить свою душу. Вместе они любили полюбоваться закатом солнца на самой вершине Касугаямы. Но даже это вредило Торачиё. Общение с любимой сестрой вызывало смех у сверстников, мол – "девчонки общаются только с девчонками" или "две подружки пошли любоваться закатом". Несмотря на это он продолжал дружить с сестрой, не обращая внимание на обиды. Торачиё говорил себе, что, во что бы то ни стало, добьётся уважения к себе и научится драться. Он с младенчества не плакал, не позволял матери или служанкам одевать на него одежду, так как справлялся с этим сам, проявляя непозволительную самостоятельность для ребенка князя, был почтителен к родителям и старшим братьям, несмотря на их неприязнь к нему. И усердие Торачиё было вознаграждено, хотя и самую малость. Вот уже как целый год он дружит с новоиспечённым учеником Корисина, Тароноскэ. Он, вместе с отцом, переехал в Касугаяму из Масугата, что на севере Этиго, чтобы помочь Тамэкаге в его строительстве и привезли несколько рабочих. Сына, Амакасу отдал в додзё, так как тот любил упражняться с мечом ещё в своих владениях. В отличие от Торачиё, который постоянно получал от Сангомару, Тароноскэ успешно справлялся со своими соперниками, в том числе и с пухлым забиякой. Тароноскэ был на год старше Торачиё, которому в этом году исполнилось семь лет¹⁸, только Торачиё был немного выше Тароноскэ из-за своих длинных ног.

– Ну так вставай же недоносок! -продолжал орать Сангомару.

– Сангомару! -прогремел голос Корисина. -Ты проявляешь недобросовестность по отношению к Торачиё и нарушаешь наше равноправие. Поэтому иди к Юри и помоги ей вымыть пол, у нас скоро будут гости.

– Но сэнсэй! -обиженно воскликнул пухлый мальчишка. -Разве это не работа для слуги или крестьянина. Это позорит честь самурая!

– А ты ещё не самурай и вряд ли им станешь из-за того, что не уважаешь своих соперников. Даже к врагу нужно относиться с должным уважением. Впрочем, за пререкания со мной ты ещё и принесёшь хвороста, из леса. Исполни!

Сангомару поклонился учителю и под дружный хохот учеников, нехотя направился к дому, где в одиночку управлялась Юри-племянница Корисина. Сэнсэй, в свою очередь, подошёл к сидящему на пятой точке Торачиё, и протянул ему руку, тот принял её и легко встал на ноги.

– Скажи мне, мой любезный ученик, -язвительно начал Корисин. -до каких пор ты собираешься проигрывать этому невежде. Я вижу в тебе способности, но не вижу их проявления. Ты не должен обращать внимание на подначки Сангомару, но должен очистить свой разум от скверных мыслей, они не дают тебе сосредоточиться и нанести один лишь удар.

– Но как мне удастся избавиться от обиды, если всё, что он говорит, правда, -опустив голову ответил Торачиё. -Я действительно никому не нужный ребёнок и ноги мои длинные что отличает меня от остальных. Посмотрите на них, -мальчик оглядел всех учеников. -они все смеются надо мной.

– Именно потому, что ты отличаешься ото всех, ты являешь собой уникальность. -продолжал наставлять мальчика Корисин. -Ты можешь использовать свои ноги в бою, двигаясь быстрее любого своего соперника, чего от тебя не ожидает никто. Ты легко и стремительно можешь двигаться вокруг противника, выматывая его. Их подначки и смешки – это их слабость, они делают так для того чтобы отвлечь тебя от атаки, не иди у них на поводу, постарайся не слушать их, не думай ни о чём. Твои душевные раны делают тебя слабым, но все в этом мире лишь мимолётность, и твоё сегодняшнее положение может завтра измениться в лучшую сто-

¹⁸ В средневековой Японии год рождения ребёнка, считался первым годом его жизни, так как считалось, что он почти целый год растёт в утробе матери.

рону, так что не надо отчаиваться, отчаяние приводит к трусости или бесславному поражению. Если ты хочешь победить, тогда заставь себя принять всю реальность такой, какая она есть, прошлого не воротишь, будущее незримо, есть только мгновение и оно должно стать твоим. Забудь о том, что ты сын даймё, забудь о презирающих тебя братьях, ты один. Не думай об окружающих, обо мне или о своём сопернике. Закрой глаза, поддайся мгновению, шагни вперёд и ударь. Когда откроешь глаза, стена, которую ты не мог преодолеть будет сломана, и ты продолжишь свой путь. Достаточно набраться решимости, тогда ты сможешь победить своего соперника. Но главное Торачиё, запомни, не победив себя, не преодолев свои страхи, ты не победишь своего врага, будь то Сангомару или кто-нибудь другой. Ты должен нанести удар не по живой плоти, а по его духу.

– Что это значит? -переспросил, замороженный речью учителя, Торачиё.

– Это значит, что ты не просто должен покалечить врага, а сломить его волю, чтобы у него не осталось сомнений что он проиграл, чтоб у него не было шансов на дальнейшее противостояние, он должен признать полное поражение. -Корисин похлопал Торачиё по плечу. -Твой дух как видишь не сломлен, и ты продолжаешь сопротивляться. У тебя получится победить, я знаю это. А пока я не буду больше выставлять против тебя Сангомару. Сразишься с ним, когда будешь готов. Но не забывай моих слов. -напутственно произнёс Корисин.

– Да учитель! -Торачиё почтительно поклонился. -Я запомнил всё что вы сказали, слово в слово!

– Вот и славно! -вечно мрачный Корисин позволил себе улыбнуться. -Иди умойся, урок закончен. А я приму у себя долгожданных гостей! -наигранно громко произнёс сэнсэй последнюю фразу и повернулся ко "входу" в додзё. -Добрый вечер Тамэкагэ-сан!

Князь Нагао, сообразив, что его заметили, вышел из своего укрытия и подошёл к старику. Корисин и вправду был старик, на вид ему было лет семьдесят, но его полные жизнью глаза, говорили обратное, от чего его возраст не мог определить никто. Тамэкагэ поравнялся с мастером и приветливо поклонился, оказалось, что старик не уступал в росте высокому князю.

– Давно я вас не навещал почтенный Корисин! -произнёс Тамэкагэ -Решил вот справиться о вашем здоровье перед отъездом. -слова князя столь явно содержали нотки не уверенности, что Корисин презрительно ухмыльнулся.

– Только не надо лукавить Тамэкагэ-сан, я вижу вас насквозь, словно прозрачную воду. -ответил сэнсэй. -Вы никогда не спрашивали о моём здоровье, а посещали меня лишь тогда, когда вам было что-то нужно. Только вот...-мастер недобро прищурился. -Я не разу не видел вас в столь неуверенном расположении духа. Вы стареете? Или может, задумали неладное?

– Да покарают меня ками если я приду к вам, почтенный, со злым умыслом! -воскликнул князь. -Но вы как всегда правы, я к вам по делу. -Тамэкагэ осмотрелся вокруг и убедившись, что все дети ушли умываться, тихо произнес. -Я хочу поговорить с вами о своём сыне.

– Что ж, тогда, я думаю, нам стоит продолжить нашу беседу в саду. -Корисин подался назад, пропуская гостя вперёд. -Там вы и изложите ваше дело ко мне, а Юри пока приготовит нам чай.

Через некоторое время мастер и князь восседали, под накрытым соломой, навесом, на циновках друг напротив друга. Находились они в саду, за домом Корисина. Сад не примечательный и практически ничем не обустроенный, как это часто встречалось у любителей чайной церемонии. Кроме прохудившегося навеса здесь росли три сакуры, от которой сегодняшние посетители не могли оторвать глаз. Шли первые дни четвёртого месяца и прекрасные, белые с розовым оттенком, лепестки сакуры уже начали понемногу опадать. В это время, многие в стране отрывались от своих дел и предавались созерцанию прелестного растения. На некоторых находило блаженное вдохновение на написание стихов и песен. Опадающие лепестки нередко сравнивали с уходящей, в круг перерождений, жизнью, ведь цветение сакуры столь быстротечно, словно жизнь человека и порой даже не замечаешь, как она проходит.

Корисин не соблюдал этикета чайной церемонии, он просто любил пить чай и любоваться сакурой. Стихи он тоже не писал. Никто в Касугаяме не знал, где Тамэкагэ подобрал этого старика, откуда он родом и где обучался воинскому искусству. Знали лишь то, что шестнадцать лет назад князь Нагао вернулся из похода в Эттю, вместе с неизвестным стариком, в Касугаяму и устроил учебный бой, между ним и одним из лучших своих воинов, Иробэ Кацунагой. Иробэ проиграл. После этого, Тамэкагэ выделил ему место в своём замке и Корисин стал тренировать самураев князя и их детей.

Корисин оторвался от созерцания сакуры и перевёл взгляд на Тамэкагэ, показательно кашлянул, чтобы князь обратил на него внимание и начал свой разговор. Тот понял намёк и начал из далека:

– Как дела у моего сына? Подаёт ли он успехи в боевом искусстве?

Корисин хитро прищурился, поняв, что разговор пойдёт не об этом, но всё же ответил на вопрос князя.

– Мальчик бес сомнения талантлив и в будущем превзойдёт многих, но у него не хватает сосредоточенности. Жизнь в клане Нагао давит на него. Отношение к нему, остальных членов семьи его угнетает, а незаурядная внешность делает его предметом насмешек сверстников.

– И что можно сделать для того, чтобы мой сын вырос отважным воином и мудрым человеком? – спросил Тамэкагэ.

– Я вижу, что судьба четвёртого сына вам небезразлична. – заинтересованно проговорил мастер. – Или есть что-то, что знаете только вы?

– Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос, почтенный Корисин.

– Не извольте гневаться князь Нагао. – сэнсэй чуть склонил голову. Он понял, что у Тамэкагэ есть свои планы на счёт семилетнего Торачиё, который на первый взгляд оставался не удел в своём клане. Но Корисин не стал вдаваться в любопытные подробности и всё же задал ещё один вопрос – Прежде чем ответить могу я ещё кое о чём спросить?

– Спрашивайте. – Тамэкагэ одобрительно кивнул. В душе он осознал, что его окружают, сплошь и рядом, хитрецы и доверять каждому свои мысли не стоит. Даже если этот человек был давно ему знаком.

– Позвольте узнать, – начал сэнсэй. – есть ли кто-нибудь из вашей семьи или вассалов, кто хорошо относится к Торачиё? Кроме конечно сына Амакасу.

– Их совсем немного. – огорчённо заявил князь. – Его мать и родная сестра.

– Не дурно! – усмехнулся Корисин. – Женщины! Это самое худшее, что может повлиять на мужчину в этом мире! А если сын отдаст предпочтение матери, тогда это будет самой худшей ошибкой отца. Нередко матери настраивают своих сыновей против их отцов! Это очень печальный факт, который история знает не понаслышке. Хвала Будде что вы избежали этой участи, хотя... Ещё не всё потеряно.

– Корисин! – возмутился Тамэкагэ. – Ты забыл с кем разговариваешь?

Мастер немного склонился, будто извиняясь.

– Прошу в сотый раз меня извинить Тамэкагэ-сан, что говорю вам истину. – Корисин, заметив, как после этих слов князь нервно дёрнул щекой, переменил тему. – Так вот. Я считаю, что мальчику не место в вашем замке.

– Тогда где же? В столице? – предположил Тамэкагэ, хотя знал, что это глупый довод.

– Киото только развратит мальчика. – ответил сэнсэй. – Тем более, что сейчас пожары там случаются чаще чем в лесах в летнюю жару.

– Тогда может быть отдать его на усыновление, в другую семью. Мой вассал Наоэ Кагэцуна, по-прежнему, не имеет ни жены, ни детей? – продолжал строить наводящие догадки князь.

– Опять же, новая семья и потеря своего родового имени. – быстро ответил Корисин. – Это всё не годится. – он понял, что князь Нагао не зря докучает ему наводящими вопросами и что

он давно принял решение, но что-то не давало ему в нём утвердиться. Возможно, ему было важно мнение мастера фехтования, как человека идущего по пути воина.

Корисин не стал долго раздумывать над ответом, тем более небо начало уж темнеть и день клонился к закату, а старику требуется больше отдыха.

– Отправьте мальчика в монастырь. Там его научат обладать собой и собственными мыслями.

Тамэкагэ замолчал. Второй человек за сегодня кто говорит ему послать Торачиё на обучение к монахам. Возможно, это действительно был единственный выход из сложившейся ситуации. Как не крути, но время на раздумья оставалось мало. Князя выводила из себя та мысль, что нужно так перестраховываться для того, чтобы оставить за собой хоть какую-то надежду, что клан Нагао не придёт в упадок во время его отсутствия. Кампания против икко-икки непременно затянется надолго, а это совсем не на руку князю.

Он распрощался с Корисином и поблагодарил за дельный совет. Выйдя из его дома, князь заметил, что на улице было уже темно. На деревянном помосте додзё, в тусклом свете бумажных фонарей, виднелась фигура мальчика. Он сидел, скрестив перед собой ноги с закрытыми глазами. Создавалось впечатление, будто он медитировал. Тамэкагэ искренне удивился, когда разглядел в нём своего сына Торачиё.

Сидящий, открыл глаза, словно почувствовал, что за ним наблюдают. Завидев отца, он тут же бросился к нему и расprostёрся перед ним ниц.

– Отец простите меня! Клянусь, я больше не буду проигрывать Сангомару! -завопил мальчик.

– О чём ты? -спокойно произнёс Тамэкагэ, глядя на сына сверху вниз.

–Как!?-Торачиё поднял взгляд на родителя. Он был в недоумении и считал, что разозлил отца своей бездарностью. -Разве вы и сэнсэй говорили не обо мне?

–О тебе. -князь, жестом руки повелел сыну подняться и приказал следовать за ним.

Вдвоём они направились прочь из додзё Корисина и повернули в сторону замка. Какое-то время они шли молча. Торачиё не пытался завести разговор первым, до сих пор испытывая чувство вины перед отцом, он шел за ним, отставая на два шага, хотя легко мог идти с ним наравне.

–Ты заканчиваешь своё обучение. -внезапно сказал Тамэкагэ. Для мальчика эти слова прозвучали равносильно удару кинжалом в сердце. Он так хотел научиться боевому искусству и победить Сангомару, чтобы доказать отцу и родным, что он не зря родился в этом клане. Теперь его стремлениям пришёл конец. Князь продолжил -Ты отправишься в Ринсэндзи.

– Я стану монахом? -грустно спросил Торачиё, в очередной раз сознавая что он не удел.

– Почему же монахом? Ты едешь туда постигать военное искусство и дзэн. Там тебя научат как обладать собой, боевому искусству, грамоте, ну и конечно же мудрости Будды. До своего совершеннолетия ты будешь обучаться там, а потом, если конечно пожелаешь, вернёшься обратно.

– Но зачем мне ехать в монастырь? -переспросил Торачиё, всё же немного успокоившись. -Ведь не один из моих братьев не обучался у монахов. Разве сэнсэй Корисин не может научить меня тому же? Он ведь тоже монах, только мирской.

– Понимаешь, -Тамэкагэ начал подбирать в уме слова, чтобы получше объяснить всю суть своему сыну. -иногда семье, в клане, случаются такие вещи, которые скажем, дурно влияют на детей вроде тебя. Тебе ведь итак достаётся от наших семейных распрей, из-за которых ты чувствуешь себя неполноценным ребёнком.

Торачиё снова понурил голову, понимая, что отец говорит правду.

– Но даже несмотря на это, -Князь, поняв, что расстроил сына решил его немного приободрить. – вспомни-ка? Герой Ёшицунэ! Он обучался в монастыре с самого детства и стал после этого великим воином! А его друг Мусашибо Бэнкэй! Также обучался у монахов. -напом-

нил Тамэкагэ о героях древности. -Я знаю ещё много выдающихся людей которые прошли свой путь через священные обители. Князь Нагао взглянул на Торачиё. Мальчик и вправду приободрился.

– Когда я туда отправлюсь? -спросил он и сразу добавил. -Мне нужно завершить кое-какое дело.

–Ха! -вырвалось у князя. -Какое такое дело может быть у семилетнего ребёнка?

– Я должен победить Сангомару!-твердо, совсем по мужски ответил Торачиё.-Это будет позором если я уйду из додзё на долгий срок, побеждённым.-и снова он опустил голову и тихо, неуверенно прошептал.-Но мне нужно время, чтобы подготовиться. Сэнсэй научил меня как это сделать, и я хочу последовать его наставлению.

Тамэкагэ удивился. Сильно удивился, такому повороту событий. Ему невольно вспомнились предсказания Усами на счет Торачиё. Мальчик проявлял рвения к пути воина и князю, как полководцу и как отцу, понравились слова Торачиё. Он почувствовал себя гордым за мальчика, и не важно, было то, что он часто проигрывал, важны его намерения. Как говорится: -"Сначала намерение, потом просветление."

– Я уйду в поход в конце этого месяца. -сказал Тамэкагэ. -Хочу, чтобы ты отправился в храм до этого. Даю тебе двадцать дней. Тебе хватит такого срока?

– Да отец! -радостно воскликнул Торачиё и благодарно поклонился. -Я не подведу, обещаю!

– Я знаю это. -тихо, с ноткой довольствия, произнёс Тамэкагэ. -А теперь ступай к матери, она, наверное, уже волнуется, ведь ночь как-никак.

Торачиё вновь поклонился отцу и словно молодой длинноногий олень рванул вверх по склону к домам знати. Князь Нагао проследил, как исчезла во тьме фигура мальчика, и направился в сторону замка. Там он договорился о вне гласного совета с Усами и Наоэ.

Глава 3

Холм двух сакур

Весь сад женской усадьбы был наполнен звонким, детским смехом. Хотя зачинщиками сего веселья, были всего два мальчика, которые носились сломя голову то в одну, то в другую сторону, разыгрывая сценку полюбившейся им легенды. Наконец они остановились на деревянном мостике, который соединял разделённый на две части, искусственным прудом, сад. Встав друг против друга, они выставили перед собой деревянное оружие, приняв боевые стойки, словно взрослые воины. У одного в руке был деревянный меч, а у того, что повыше, с головой, закутанной в белый монашеский капюшон, держал длинный бамбуковый шест.

– Сдавайся монах! -Кричал маленький, с деревянным мечом.

– Я не монах Тароноскэ! -обиженно заявил длинноногий мальчик в капюшоне.

– Какой ты скучный Торачиё! -Тароноскэ безнадежно покачал головой, опустив меч. - Мы же договорились, что я Минамото Ёшицунэ, а ты Бэнкэй.

– Прости. -виновато ответил Торачиё. -Я просто ещё не свыкся с той мыслью, что меня отправляют в монастырь.

– Но ты же сам говорил, что монахом ты не будешь, а просто едешь учиться. -Попытался успокоить друга Тароноскэ. -Тебе не о чем волноваться. Давай продолжим?

– Хорошо! -Приободрившись кивнул Торачиё и снова встал в стойку.

Они обменялись ударами, а потом Тароноскэ начал прыгать в разные стороны, подражая легендарному Ёшицунэ, который в сказаниях умел высоко взмывать в воздух. Через некоторое время они вновь начали бой. У Тароноскэ уже прослеживалась какая-то техника ведения боя, чего нельзя было сказать о Торачиё. Он неуклюже махал шестом, пытаясь задеть им своего друга, но тот моментально отражал удар и стремительно атаковал приятеля. Торачиё получил несколько тычков в живот и нервно отбросил шест.

– Не получается у меня обращаться с копьём! -Мальчик сел на мост и уныло опустил голову. -Так дерутся только монахи. Самурай должен владеть мечом. Почему Бэнкэй не может быть с мечом, а? -Обратился он к другу.

– Потому что! Когда они встретились с Ёшицунэ у Бэнкэя было копьё, а у Ёшицунэ-меч! -Весело объяснил ему Тароноскэ, ничуть не расстроившись на негодование Торачиё.

– Тогда давай я буду Минамото,а ты Бэнкэем.-Предложил Торачиё.

– Нет! -замотал головой Тароноскэ. -Как ты можешь быть Ёшицунэ, если ты на голову выше меня.

Спору бы не было конца, если бы Тора не вмешалась. Она сидела чуть поодаль от мостика на небольшом лужке и расчёсывала волосы Айе. Увидев, что затевается ссора, она позвала детей к себе. Торачиё услышав голос матери, скинул с себя капюшон и бросился к ней. Тароноскэ поспешно последовал за ним.

– Ты звала матушка? -мальчик сел перед женщиной на колени, ожидая, что она скажет.

– Почему вы спорите Торачиё? -Спокойно спросила она. Голос её был нежным и ласковым. По её лицу вообще нельзя было сказать, что она когда-либо злилась. Тора дождалась, когда Тароноскэ сел рядом со своим другом и продолжила. -Я немного слышала ваш спор и с удовольствием помогу вам решить его.

– Прошу тебя матушка, иначе мы можем и всерьёз подраться! -в надежде заявил Торачиё.

– Да, госпожа Тора-Доно, пожалуйста помогите нам? -вежливо согласился мальчик.

Она закончила причёсывать Айю, девочка села рядом, весело улыбаясь своему брату, и доброжелательно глянув на детей сказала:

– Тароноскэ прав насчет Бэнкэя, он действительно был выше Ёшицунэ в росте. Но, как мне известно, Мусашибо Бэнкэй любил пользоваться нагинатой, как и всякий монах, но во время встречи с Ёшицуне он обнажил свой огромный меч и вступил с ним в сражение.

– Вот! Я же говорил, что он может быть с мечом! -Радостно воскликнул Торачиё.

– Не торопись. -Тора опустила руку на колено своему сыну, дабы успокоить его. -Я хочу, чтобы вы были на равных и не оставить в обиде Тароноскэ.

Торачиё вновь соорил виноватую мину и стал слушать мать.

– Ты сказал, что самурай должен владеть мечом, это не совсем правильно. Во времена Ёшицунэ и Бэнкэя, главным искусством самурая был лук и конь. Мечом владели все, но не так часто применяли его в сражении. Самурай должен постичь не только искусство войны, но и многое другое. Например, поэзию, каллиграфию или любую другую науку. Путь воина во многом схож со многими другими путями. Поэтому не стоит вам думать, что воин зациклен лишь на искусстве поединка.

Дети заворожено смотрели на Тору. Их поражало то, что женщина объясняла им о пути самурая. Мастер Корисин, напротив, утверждал, что женщины не сведущи ни в чём кроме хозяйственных дел и нужны лишь для продолжения рода.

– Мама, -вдруг подал голос Торачиё. -а бывают женщины-самураи? Сэнсэй Корисин говорит, что женщины не умеют сражаться. Он говорит, что они вообще ничего не умеют.

– Не могу согласиться с мастером Корисином. -Спокойно ответила Тора. -У двоюродного брата Ёшицунэ, Кисо Ёшинаки была жена и одна из его полководцев, -великая женщина и прекрасная воительница. Звали её Томоэ Годзэн. Вы что, невнимательно читали легенду?

– Мы не читали!!-Разом ответили мальчики. -Нам рассказывал её сэнсэй Корисин.

– Ну тогда понятно почему вы не слышали о Томоэ! -Нахмурилась Тора, не одобряя в душе способы воспитания Корисина.

–А вы умеете сражаться госпожа Тора? -заинтересовался Тароноскэ.

– Ах мальчики! -грустно вздохнула она. -В наше смутное время, я считаю, что каждая женщина должна научиться держать в руках оружие.

– А Айя? -Спросил Торачиё поглядывая на сестру.

– Айя, -мать погладила дочь по длинным, шелковистым волосам. -с десяти лет берёт уроки владения нагинатой у монаха, который приходит в замок из Ринсэндзи.

– О-Ого! -В раз удивились друзья и с уважением посмотрели на сидящую рядом, с Торой, девочку.

В следующий момент на энгаве появилась служанка Тору. Не сходя в сад, она поклонилась хозяйке.

– Госпожа Тора! -Окликнула её Ясу. -У нас высокопоставленный гость, господин Усами Садамицу.

Тора Годзэн поспешила встретить гостя, но тот опередил её. Садамицу оказался на энгаве ещё до того, как Ясу закончила доклад. Его сопровождала девочка, ровесница Торачиё и Тароноскэ. На ней было голубое косодэ. Симпатичное, кругленькое личико ещё не касались пудра и белила, а волосы были аккуратно убраны и схвачены белой лентой. Она стояла чуть позади от Усами. Когда советник поклонился, поприветствовав Тору, девочка последовала его примеру.

– Господин Усами! -Улыбнулась Тора. -Чем я, простая женщина, удостоилась внимания такого высокого господина, как вы?

– Будет вам госпожа! -Отмахнулся Садамицу. -По статусу вы находитесь выше меня. Ведь вы жена князя Тамэкагэ. Значит наоборот, это я удостоился лицеизреть вас. -Усами поклонился ещё раз.

Тора Годзэн одобрительно улыбнулась. Из всех вассалов своего мужа она больше всех уважала именно Усами, так как, он всегда был вежлив и обходителен, не позволял себе лишних

слов или несносного поведения. К тому же он больше благоволил её детям, чем отпрыскам первой жены князя.

– Прошу извинить меня за столь грубое вторжение, но, к сожалению, у меня много дел и я хотел бы по быстрее оказаться подле князя Тамэкагэ, хотя ваше общество мне не менее приятно. Поэтому, сразу перейду к делу. -Выпалил Усами, не сходя с места. -Хочу представить вам свою единственную дочь Нами. Я хочу попросить вас... Не обремените ли вы присмотреть за ней во время нашего похода в Кагу? Я думаю, что она найдет общий язык с молодым господином и с сыном господина Амакасу. Да и Айя, надеюсь, не откажет ей во внимании.

– Вы можете не беспокоиться за свою дочь господин Усами! -Радостно ответила Тора. - Мы только будем рады, тому, что наша компания прибавится в лице Нами! Можете быть спокойны.

– Тогда, прошу извинить меня ещё раз госпожа Тора, за то, что и так злоупотребил вашим гостеприимством. Я удаляюсь. – Садамицу присел на одно колено перед Нами, что-то шепнул ей, поцеловал в лоб и поспешно вышел через ту-же веранду. Ясу поспешила его проводить, но безуспешно, старый воин появлялся и исчезал практически бесшумно и очень быстро, что у многих вызывало недоумения. Как ему это удаётся?

Всё это короткое время, за которое произошла встреча Усами Садамицу и Торы Годзэн, мальчики сидели бесшумно и потупившись внимали высокопарным речам взрослых.

– Неужели нам тоже нужно будет так разговаривать? -Тихо спросил Тароноскэ у приятеля. -Ведь непонятно же ничего.

– А мне кажется красиво! -Мечтательно вздохнул Торачиё.

– Ладно! -Тароноскэ хлопнул его по плечу. -Пойдём, познакомимся с девчонкой, мне она кажется немного скромной...как ты!

Торачиё не обратил внимания на подначки друга, однако поднялся на ноги и пошёл за ним. Нами продолжала стоять на энгаве, скромно понутив голову, не смея взглянуть на новых знакомых.

– Ну-же, не стесняйся! -Подошедшая к девочке Айя, взяла её за руку и потянула на лужайку. -Пойдём к нам! Познакомлю тебя с братишкой и его другом.

Нами послушно пошла за Айей. Подойдя к Торе, она низко поклонилась, но не проронила ни слова.

– Какая скромница. -С доброй улыбкой на лице проговорила Тора. -Наверное характер матери. -Предположила она. -Потому-что господин Усами, хоть и воспитанный человек, но скромностью не блещет. -Женщина пригласила девочку сесть. Та повиновалась и Тора, жестом руки, усадила всех остальных вокруг себя. -Знакомься Нами. -Она обвела рукой своих детей, -Это мой сын Торачиё, а это моя дочь Айя, -потом она показала на Тароноскэ. -а этот молодой человек, сын Амакасу Ясушигэ, имя ему Тароноскэ.

– Для меня большая честь познакомиться с вами. -Пролепетала Нами, в поклоне. -Прошу меня простить за мою робость, -Еле слышно произнесла девочка. Тора в это время с любопытством наблюдала за ней. Нами продолжала -Я впервые нахожусь в таком большом окружении и немного стесняюсь.

– Бедняжка! -Жалостливо произнесла Тора. -Усами держал тебя в затворничестве?

– Нет! Что вы! -Поспешила объяснить Нами. -Мой отец наоборот даёт мне слишком много воли. Просто в нашем замке очень мало людей, в основном одни старики, а детей и вовсе нет. В деревне, что находится при замке, я не гуляю, далеко для моего возраста, поэтому моим другом является лишь отец.

– А она не такая скромная, как кажется на первый взгляд. -Вмешался повеселевший Тароноскэ. -А господин Садамицу научил тебя биться на нагинатах?

– Тароноскэ. -Тора с упрёком посмотрела на мальчика. -Где твоя вежливость? Попроси прощенья у Нами. Немедленно.

– Простите меня госпожа Тора-Доно! -Тароноскэ с виноватым видом поклонился в сторону женщины, потом девочки. -Прости меня Нами, я непозволительно груб сегодня. Наверное, это из-за нашей с Торачиё игры, она нас раззадорила.

Тора одобрительно кивнула, удивившись, как Тароноскэ может извиняться, в полной мере.

– И всё-таки, Нами? -Женщина снова обратилась к девочке. -Чему научил тебя господин Усами?

– Я умею читать и писать, могу завязывать доспехи отцу...

– Почему ты замолчала? -Ласково спросила Тора. -Не стесняйся. Обещаю, когда ты немного расскажешь о себе, мы поделимся с тобой тем же.

– Ещё я немного играю на флейте.

– Вот как! Пожалуйста, сыграй нам? Хотя-бы чуть-чуть. -Попросила Тора.

Нами поклонилась, достала из-за оби лакированную шкатулочку, сделанную из бука, аккуратно открыла крышечку и достала оттуда бамбуковую флейту. Она бережно положила шкатулку перед собой и взглянула на окружающих, как бы спрашивая разрешения. Тора кивнула. Тогда Нами приложила флейту к губам и начала играть, аккуратно и ритмично, представляя тонкие пальцы по отверстиям на инструменте. Музыка её казалось грустной, но в то же время такой мелодичной и пронизывающей самое сердце, что даже птицы замолчали, словно прислушались к игре. Грустная мелодия разнеслась весенним ветром по горе Касуга. Торачиё был так очарован игрой Нами, что ему невольно представилось его любимое место на Касугае, -небольшой, каменистый холмик за главной башней, по обе стороны которого росли две сакуры. Он любил приходить туда по вечерам и любоваться закатом. Под мягкий аккорд музыки ему почудилось, что сакура снова зацвела, будто только началась весенняя пора.

Нами закончила играть, и Торачиё тут же очнулся от своих мечтаний. Ещё он почувствовал, как его толкает локтем в бок Тароноскэ.

– Я знаю кем она будет. -Прошептал мальчик на ухо Торачиё.

–Кем?

– Она будет Шидзукой, женой Ёшицуне...

* * *

Так прошла неделя. Торачиё продолжал оттачивать свои навыки владения мечом не только в додзё, но и дома, на заднем дворе усадьбы. Он так же проводил время с Тароноскэ и их новой подругой Нами. Мальчики изображали из себя легендарных героев и защищали Нами от других мальчишек, сражаясь с ними на деревянных мечах. А после, когда герои побеждали, Нами, которую они Шидзукой, играла им на флейте. Прошло несколько дней, и Тароноскэ стал уделять дочери Усами всё больше внимания, что вызывало ревность Торачиё, который так же сильно привязался к девочке. Он, в отличии от своего друга, не показывал своих чувств и молча держал их в себе, позволяя Тароноскэ ухаживать за Нами. Но, вскоре он не вытерпел. Когда друзья распрощались, вечером, после очередной игры, Торачиё и Нами пошли до дома вдвоём.

– Нами. -Еле слышно, пересилив свою скромность, произнёс Торчиё. Девочка, которая до этого шла чуть впереди, повернулась к нему и вопросительно взглянула. Сын князя даже покраснел от смущения. Он не мог понять. Почему, наконец-то оставшись наедине, все слова застряли в глотке? Он затоптался на месте, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты что-то хотел сказать Торачиё? -Спросила наконец девочка. И тут мальчик вспомнил слова Корисина и свои ежедневные тренировки. Он закрыл глаза, постарался отбросить все одолевающие его в этот момент мысли, сделал глубокий выдох и почувствовав, что разыгравшиеся чувства немного успокоились, выдал. Но, почему-то совсем не то, что хотел сказать.

– Ты стала мне близкой подругой Нами. И... Я хочу показать тебе одно место.

– Что это за место? -с любопытством спросила девочка. -Только не говори, что это ещё одна из ваших дурацких игр. Мне конечно весело с вами, но ежедневная беготня -это точно не для девочек.

– Не-нет! -Поспешил уговорить её Торачиё. -Это место предназначено только для меня и моей сестры. И я хочу показать его тебе. -Он вдруг посмотрел на небо, потом резко на Нами. – Пойдём! Сейчас самое время. Если тебе не понравится, мы тут же уйдём.

– Ну хорошо. -Согласилась девочка. -Показывай своё место.

– Пойдём! -Воскликнул радостно Торачиё, и схватив подругу за руку, потянул за собой. -Только быстрее, солнце уже садиться! -И что с того-о-о! -Только и успела выговорить Нами, как мальчик увлёк её за собой.

Они пробежали мимо домов знати, мимо замка Касуга и начали взбираться на холм. Он был не очень крутым, но Нами, уставшая бегать целый день с бесившимися мальчишками, подвернула ногу и упала. Торачиё тут же опустился к ней и не дав ей сказать и слова, поднял на руки и понёс её выше по холму. Девочка даже удивилась такому внезапному порыву Торачиё, который постоянно ходил как бука и редко разговаривал.

Через недолгое время они оказались на вершине холма, который, как оказалось, находился даже выше замковой крыши. Это было самое высокое место на Касугаяме, почва здесь была ровная, как будто кто-то специально спланировал её для будущей постройки, но небольшой клочок высокой травы в центре плато, говорил о том, что это дело рук природы. Торачиё посадил Нами на траву. Девочка огляделась вокруг и увидела, что с обеих сторон на склоне холма росли две сакуры. Они очень походили на священные тории, а сам холм создавал образ дороги, проходящей сквозь них. Отсюда открывался прекрасный вид на провинцию Этиго. Была видна и деревня у подножья горы, и обширная цепь гор Ёнэяма, зелёные леса и долины. На востоке, вдоль горизонта можно было разглядеть крыши замков, принадлежащим вассалам Нагао. Нами никогда ещё не видела такой красоты. Она невольно почувствовала себя птицей, парящей высоко над Этиго. Тут Торачиё отвлёк её от созерцания природы родной провинции и указал в сторону запада. Девочка ахнула от неожиданности, а потом от чарующего великолепия. Там, за крутым, обрывистым склоном горы, за густыми хвойными деревьями, за песчаным берегом, раскинулось чернеющее в вечернем сумраке, едва ли освещаемое уходящим солнцем, море. А заходящее солнце придавало этому особый оттенок, хотя и немного грустный.

Вместе они благоговейно глядели на заходящий, за водную гладь, красный диск. Торачиё сел рядом с Нами и девочка неосознанно взяла его за руку.

– Как красиво Торачиё! -Восхищённо выдохнула она. -Живя у себя в замке, я даже представить не могла, что в мире есть такие прекрасные вещи! -Она изливала свои чувства, не отрывая глаз от заката, а Торачиё внимательно слушал, порадовавшись в душе, что подарил Нами нечто большее чем глупые комплименты и ухаживания. Некоторое время они сидели молча. Когда солнце опустилась до середины, Нами промолвила:

– Почему тебе нравится смотреть именно на закат?

– Я не могу этого объяснить. -Ответил мальчик, опустив голову. -Я прихожу сюда с четырёх лет почти каждый день. Иногда, ко мне присоединяется Айя. -Немного подумав, Торачиё продолжил – Здесь спокойно, красиво. Здесь нет взрослых, нет шумных мальчишек, нет стражи.

– Ты любишь одиночество? -Грустно спросила Нами.

– Иногда. Тут можно подумать о многом, успокоить дух. Сейчас мне это особенно нужно чтобы победить Сангомару.

Нами положила ему руку на плечо и уверенно произнесла:

– Ты обязательно победишь! Пусть ты не блещешь такими навыками как Тароноскэ, но ты другой. Ты сильный! Ты даже поднял меня на руки, не прикладывая особых усилий!

Торачиё немного засмутился. Он так торопился посмотреть на закат, что не заметил даже как взял Нами на руки.

– Нами. Пока солнце еще не совсем зашло, сыграй ещё раз ту мелодию, которую ты играла в день нашего знакомства? - Произнёс он.

Нами довольно кивнула. Она достала свою флейту, с которой она никогда не расставалась и начала играть. Торачиё вновь посмотрел на закат, внимая грустную мелодию. В эту минуту ему показалось, что заходящее солнце, сопровождаемое звуками флейты, имеет какое-то значение. Возможно даже знак, который изменит жизнь Торачиё.

* * *

Прошло несколько дней, с того момента, как Торачиё показал Нами "Холм двух сакур". Мальчик продолжал ежедневно тренироваться, причём делал это везде где только можно; дома, в саду, на своём холме и на улице, сражаясь с другими ребятами. Иногда он брал с собой Нами смотреть на закат, когда Айя не могла составить ему компанию. В дружбе с дочерью Усами Садамицу, Торачиё начал понемногу забывать о своих внутренних обидах и частенько просил девочку сыграть на флейте. При звучании этой грустной мелодии он успокаивался, закрывал глаза и представлял себе, как под дуновением ветра, вместе с листьями сакуры, он отрывается от земли и начинает парить над горами и лесами Этиго. Когда музыка прекращалась, он вновь, с неохотой, опускался на землю и начинал хвалить Нами за столь незабываемые фантазии, которые он рассказывал в подробностях. Нами тоже была очень рада, что весьма способствовала обучению Торачиё, ведь он перестал думать о посторонних вещах и сосредотачивался лишь на музыке. Это же состояние он применял в тренировках с мечом. Мальчик представлял себя опадающим лепестком, который, ведомый порывом ветра, отправляется в путь, и как не стараться, обратно на ветку ему не вернуться. Значит, нужно двигаться вперёд, повинаясь потоку ветра, крутясь и огибая преграды на своём пути.

В один прекрасный весенний день Торачиё поднялся с постели как обычно, в час Зайца. Не прибегая к помощи служанки, убрал свою постель, надел ситаги-рубашку с короткими рукавами и хакама, взял деревянный меч-боккэн, стоявший у изголовья постели на подставке и засунул его за оби. Выйдя из комнаты, он спешно прошёл по коридору в заднюю часть дома, где располагалась кухня. Там он вежливо попросил у стряпухи, ворчавшей за приготовлением завтрака, три рисовых колобка и выбежал на улицу через задний двор, попутно надев меховые ботинки-цурануки, так как земля ещё не прогрелась до конца, хотя солнце пекло словно летом.

Торачиё стремительно побежал на "Холм Двух Сакур", чтобы потренироваться перед сегодняшним боем. А сегодня настал именно тот день, когда Торачиё должен будет сразиться с Сангомару, победит он или проиграет, не имело значения, всё равно на следующий день он отправится в храм, где его ждёт долгое и нудное обучение. Конечно же, для Торачиё всё обстояло иначе. Сегодня он пойдёт в додзё Корисина с твёрдым намерением победить. Он вбил себе в голову, что не оправдает надежд, которые возложили на него друзья и сестра с мамой. Но думать об этом не стоило, поэтому всё свободное время перед боем мальчик решил посвятить тренировкам. Торачиё бежал так быстро и целеустремлённо, что не заметил, как наткнулся на кого то, упёршись тому лбом прямо в живот.

– Ой! - Только и сказал Торачиё и отпрынул назад на два шага. Человек тоже отскочил, и мальчик разглядел его во весь рост.

Это был мужчина среднего возраста, примерно, как и отец Торачиё, с морщинистым лицом, широким носом, напоминающим храмовый колокол. В висках пробивалась заметная седина, а брови его походили на ветки вечнозелёной ели. Такие же густые и щетинистые. Ростом высок, как почти и все жители Этиго, вот только очень худой, что даже пальцы на руках были длинные и костлявые, словно кости обтянули кожей. Ещё, Торачиё обратил внимание

на его яркое хитатарэ¹⁹, зелёного цвета, с изображением золотых карпов, плывущих в голубых волнах. Незнакомец хищно ощерился, наклонился чуть вперёд упирая кисти рук в колени и произнёс каким-то неприятным певучим голосом, что мальчик отпрянул ещё на один шаг.

– А-а! Молодой господин Торачиё! Что заставило вас подняться в такую рань? -Закончив он учтиво улыбнулся, но Торачиё даже его улыбка была неприятной. Он видел несколько раз этого человека в свите своего отца, но никак не мог вспомнить его имени.

– Извините меня уважаемый господин, я сильно торопился и не заметил, как врезался в вас! – Замявшись, ответил мальчик.

– Вот оно, что! -Понятливо кивнул незнакомец. -Вы забыли меня. Ну ничего, я с превеликим удовольствием напомню о себе. -Он поклонился и представился. -Я Тэрута Хидэтака советник вашего брата Харукагэ.

– Извините меня ещё раз господин Тэрута! -Заикаясь поклонился Торачиё. -Я был не вежлив, но я очень тороплюсь. -Он очень хотел поскорей распрощаться с этим неприятным типом.

– Что вы! -Тэрута звонко хлопнул в ладоши. -Вам не стоит извиняться молодой господин, ведь вы сын князя Тамэкагэ. Позвольте полюбопытствовать? А куда вы направляетесь?

– Я-я? -Торачиё не хотел отвечать ему, но и не желал показаться невежливым. -У меня сегодня бой в додзё, поэтому я хочу повторить некоторые ката в одиночестве.

– Вот как?!-Хидэтака не скрыл удивления. Ему было странно, что мальчишку семи лет отроду заботят такие вещи как тренировки перед боем, да ещё в полном одиночестве. -"Он несомненно старше своих лет и уже многое понимает"-Подумал он про себя, а вслух добавил, но уже серьёзно не улыбаясь. -Хочу посоветовать вам. Не усердствуйте сильно, лучше хорошенько отдохните. Иначе явитесь на поединок измождённым и тогда проиграете, а ведь вы хотите победить. Не так ли?

– Конечно! – Согласился Торачиё со словами Хидэтаки, как бы ему этого не хотелось.

– Тогда непременно последуйте моему совету. -Тэрута поклонился. -До встречи молодой господин, надеюсь преть вы не забудете меня? -Сказав это, он резко развернулся и ушёл восвояси.

– Да-уж! -Выдохнул Торачиё, после того как Тэрута отошёл подальше. -Такого типа я точно больше не забуду! И сохрани меня ками ещё раз встретиться с ним!

Кинув последний взгляд на уходящего Тэруту, Торачиё снова пустился в сторону холма.

Придя на место, мальчик положил рисовые колобки, завернутые в листья бамбука, на траву и вытащив из-за пояса боккэн, встал в боевую стойку. Спина его была прямая, правую ногу выставил чуть вперёд и немного согнул оба колена, рукоять деревянного меча находилась на уровне живота, а кончик на уровне глаз. При этом Торачиё пытался не дышать полной грудью, так как, в настоящем бою это могло бы помешать ему, потому, что противник увидел бы как, вздымаются его плечи при дыхании и тогда бы понял, что он либо нервничает, либо выбился из сил.

Мальчик взмахнул боккэном, достав им почти до ягодиц и нанёс прямой вертикальный удар по воздуху, в завершении удара сжал рукоять обоими руками так, будто выжимает тряпку. Так он повторил много раз, пока его руки не начали уставать. Тогда Торачиё опустил меч и сел на траву там же где положил свою еду. "Руки устали! -подумал он. -Может действительно стоит послушаться совета Тэруты? Если я приду на бой с Сангомару уставший, он снова меня победит. "И Торачиё решил не продолжать дальше. Он развернул бамбуковые листья и взял один колобок. Есть ему не хотелось, мальчик был серьёзно настроен на бой, а наедаться перед таким событием не стоило. Торачиё съел один рисовый колобок, а остальные завернул обратно,

¹⁹ Хитатарэ – короткая куртка и хакама одного цвета или с узорами, выполнялось из парчи или шёлка. Придворное одеяние, но годилось и под доспехи.

решив отдать их слугам, работавшим при замке. "Такие лакомства они, наверное, не часто могут себе позволить!" – снова подумал он.

Положив боккэн слева от себя, Торачиё скрестил ноги перед собой и закрыл глаза. Приняв медитативную позу, мальчик решил отбросить все свои мысли и освободить свой разум, возможно, это позволит ему избавиться от волнения перед его "выпускным экзаменом". И, немного поборовшись со своими раздумьями, у него получилось. Торачиё просто застыл в одной позе, словно каменная статуя, не шевеля не единой частью своего тела и лишь волосы трепались на ветру.

Так он просидел больше часа и возможно, сия медитация продолжалась бы дальше, если бы чья-то рука вдруг не легла на плечо мальчика. Торачиё не испугался такой неожиданности, но тут-же очнулся, хотя сэнсэй говорил, - "Ни что не должно отвлекать тебя, иначе это будет не медитация, а обычный чуткий сон". Он повернул голову и увидел свою сестру, которая со всей строгостью взирала на него.

– Торачиё! - Чуть повышенным тоном произнесла Айя. - Если ты будешь сидеть на голой земле без циновки, то вскоре простудишься и заболеешь! Неужели тебе неважно твоё здоровье?

Мальчик пристыженно опустил голову и тут же поднялся на ноги. Хоть Айя и была его сестрой, но всё же Торачиё слушал её, как и мать, потому что, очень любил, и всё таки она была старше его, на целых шесть лет.

– Прости меня сестрица. - Виновато произнёс он. - Я пытался медитировать. И я совсем позабыл взять с собой циновку.

– Вы мальчишки совсем заморочили себе голову своими тренировками, что забыли обо всём остальном. Ты ведь не сын крестьянина! Мог бы одеться и потеплее. - Продолжала отчитывать Айя, а Торачиё лишь кивал головой, соглашаясь со всем, что говорит сестра.

– Айя погоди немного! - оборвал причитания девушки Торачиё. - Ты видишь меня последний день, а вместо приятных пожеланий только и делаешь что отчитываешь!

Неожиданно Айя сменила свой гнев на милость и улыбнулась брату. Она взяла его за руку и сомкнула её в своих ладонях.

– Дорогой братец, - ласково проговорила она. - я знаю, что завтра ты уезжаешь в Ринсэндзи и напоследок решила тебя немного поругать за твою беспечность. Там, ты будешь слышать упреки лишь от недовольных монахов, которые кроме ворчания могут применить и силу. Со строгими, но всё же тёплыми, наставлениями сестры и матушки ты уж не скоро встретишься. - Вдруг девушка снова поменялась в лице, сдвинув брови к переносице, она выпалила. - Так, что будь добр, не перечь старшей сестре!

Торачиё улыбнулся. Строгость никак не шла Айе, как бы она не пыталась. Так же, как и мать, она была спокойной и доброй, никогда не повышала голос, поэтому её напускная суровость отчасти выглядела смешно.

– Пожалуйста не ругай меня больше сестрица!?!- Торачиё решил подыграть ей. - Я обещаю, что буду помнить твои и матушкины наставления, буду заботиться о себе и своём здоровье.

– Это хорошо. - Айе хотелось засмеяться, ей самой было трудно изображать из себя строгую старшую сестру. И чтобы смех не вырвался, она быстро отпрянула от Торачиё и отвернула лицо.

– Я буду скучать по тебе братец. - Через недолгую паузу произнесла она. - Возможно станет так, что мы больше не увидимся.

– Это почему? - Удивился Торачиё.

– В этом году, надо мной хотят провести обряд совершеннолетия. Возможно, что к концу твоего обучения меня выдадут замуж и я уеду жить в другую семью.

Мальчик опустил голову. Он понимал, что до того, как он сам станет совершеннолетним и закончит пребывание в монастыре, многое может измениться. За это время не только

Айя может выйти замуж, скорей всего такая же участь постигнет и его подругу Нами. Тревога закралась в его сердце. Мысли о потере близких начали одолевать его. "Как не вовремя!" - сказал себе Торачиё. Он подошёл к сестре и крепко обнял её. Несмотря на большую разницу в возрасте, мальчик, благодаря длинным ногам, был одного роста с Айей.

– Не тревожься сестрица. -Успокаивал её Торачиё. -Я закончу обучение, приму взрослое имя и обязательно тебя навещу. Ведь никто не запретит мне навеститься к родне?

– Я, наверное, испортила твоё боевое настроение? -Словно успокоившись, поинтересовалась она.

– Не волнуйся! -Торачиё попытался скорчить счастливую мину, хотя это ему всегда плохо удавалось. -Я выиграю Сангомару во что бы то ни стало.

Мальчик отпустил Айю из своих объятий, взял свой боккэн, засунул его за оби. Подняв с травы свою еду, он предложил её сестре, но, девушка отказалась.

– Отдай дворнику. Ясу лишила его завтрака и обеда на сегодня.

– Почему?

– Утром ветер поднял пыль на главном дворе, как раз, когда Ясу проходила мимо. Всё полетело ей в лицо, и она отругала дворника за то, что он плохо подмёл.

Торачиё весело улыбнулся, представив себе старое, морщинистое и злое лицо служанки своей матери. "Наверное в это время она была похожа на статую Фудо-Мёо²⁰!" -подумал он, а в слух добавил:

– Хорошо! Отдам их дворнику. Только надо сделать так чтобы Ясу не увидела!

– Ты придёшь вечером смотреть на закат?

– Конечно! Это ведь мой последний вечер в Касугаяме.

– Тогда до вечера! -попрощалась Айя. -Удачи тебе на поединке!

Когда Айя прокричала последние слова, Торачиё уже бежал вниз по холму.

* * *

Мальчишки стояли друг против друга. Оба были одеты одинаково. Серые ситаги заправленное в чёрные хакама с подвязанными рукавами кушаком тасуки, ноги оставались босыми. Между ними возвышался Корисин. Он держал обоих мальчиков за плечи и давал последние наставления.

– Соблюдайте все церемонии, которым я вас учил! Это, хоть и серьёзный, но всё же учебный бой, поэтому все подначки и всю злость вы должны были оставить за пределами додзё. По моему сигналу вы начнёте, если кто-нибудь из вас нарушит правило я остановлю бой, и вы сию-же минуту прекратите. Если же нет, я накажу обоих. – Мастер отошёл на край помоста, спрыгнул на землю и занял место на соломенной циновке среди остальных учеников. -Для победы, каждый из вас должен попасть по противнику три раза. Кто первым нанесёт три удара, тот победит! Вы всё поняли!?

– Да сэнсэй! -разом ответили молодые поединщики.

– Начали!

Мальчики встали ровно, боккэн находился в левой руке, прижатый к бедру. Они, словно вымуштрованные солдаты, разом повернулись к сэнсёю и поклонились ему, потом поклонились всем ученикам. Теперь, развернувшись лицом к лицу, поклонились друг другу. Торачиё пытался, как мог, сохранять невозмутимость и полную отрешённость от окружающей среды, но всё же волнение закрадывалось в его сердце. Сангомару напротив, ехидно улыбался и вообще чувствовал себя беззаботно. Они в одно и то же время подняли правую руку, ухватились за

²⁰ Фудо-мёо-Буддийское божество, изображалось в виде свирепого воина с торчащими наружу клыками. В правой руке у него был меч, а в левой верёвка, которой он связывал демонов и грешников.

рукоять меча и потянули вверх, словно вытаскивая из ножен. Кончики их деревянных мечей едва соприкоснулись. Они вновь поприветствовали друг друга перед боем, присев на корточки, на мгновение, застыв в этой позе и снова выпрямились. Теперь можно было начинать бой.

Торачиё быстро отпрыгнул на шаг назад, приняв ту же стойку, с которой несколько часов назад начинал тренировку. Это была основная стойка в кэндзюцу из которой происходят все остальные. Она также была очень удобной, так как, из неё можно перейти и в нападение, и в защиту. Сангомару же, поднял боккэн над головой, всем своим видом показывая, что он пойдёт в атаку.

Сангомару сделал шаг вперёд, его глаза округлились, мышцы на предплечьях напряглись и Торачиё, сам того не осознавая, понял, что противник сейчас нанесёт удар. Сын князя пошёл на опережение, он, не тратя времени на замах, что есть силы, ткнул противника в грудь. Сангомару даже не понял от чего ему стало больно, от удара или обиды, он отпрянул назад, держась рукой за грудь. Опустив меч, он откашлялся, хотел вернуть какое-нибудь злостное словечко, но вспомнив слова сэнсэя, переборол себя.

Бойцы снова сошлись. На этот раз толстяк Сангомару не стал выжидать, а сразу пошёл в атаку. Удары градом посыпались на Торачиё. С большим усердием он отражал атаки своего, более сильного противника. Мальчик отступал, уворачивался, парировал, что конечно злило Сангомару. Он то хотел поскорее закончить поединок со слабаком Торачиё, но никак не ожидал встретиться с таким прытким оппонентом. Занеся меч он, всем своим весом попытался обрушиться на Торачиё, чтобы наверняка пробить защиту противника, но тот, благодаря своим длинным и проворным ногам, оттолкнулся от деревянного пола и отпрыгнул в сторону, которую соперник открыл для удара. Удар Сангомару пришёлся по помосту, доски затрещали. Он быстро начал искать глазами Торачиё, но почувствовал лишь боль в левом боку.

– Проклятый Стройняшка! -Зашипел в отчаянии толстяк. -Тебе не сойдёт это с рук! - Он резко обернулся назад, сопровождая своё действие круговым ударом. Торачиё не ожидал этого. Мальчик уже предвкушал скорую победу и позволил себе расслабиться. Мощный удар Сангомару снёс сына князя, словно ураганом. Торачиё не смог удержаться на ногах и отлетел на край помоста, повалившись набок.

Все разом ахнули.

Мальчик попытался подняться, как вдруг понял, что правая рука сильно разболелась, видать удар пришёлся по предплечью, задев болевую точку чуть выше локтя. "Вот незадача! - Про себя выдавил Торачиё, но за руку хвататься не стал, дабы не выдать себя. -Руку всё равно придётся поменять. Последний удар должен быть сильным, а ушибленной рукой я вряд ли его нанесу!" Он всё же нашёл в себе силы и поднялся на ноги. Торачиё, не выдавая, что ему больно бросил беспечный взгляд на, разозлившегося, Сангомару и снова принял ту же позицию.

Толстяк, уже не был в себе так уверен, как раньше. Он опасался давить на противника силой, стал обходить его стороной, ища какой-нибудь изъян. Торачиё стоял на месте, наблюдая за Сангомару из-под узко сдвинутых бровей. Они оба хотели победить; Сангомару хотел доказать, что происхождение не имеет значения и унижить княжеского сынка на глазах у всех, Торачиё же не преследовал ни каких корыстных целей, так как исход для него окажется одним, независимо от того, проиграет он или победит. Торачиё хотел победы для самого себя. Он хотел знать, есть ли для него место в этом мире или же он просто никому ненужный отпрыск, как говорит Сангомару.

Сангомару тем временем остановился напротив Торачиё и медленно начал передвигаться в сторону противника. Соперник толстяка в свою очередь опустил кончик меча к полу. Это была ещё одна стойка из кэндзюцу и применялась исключительно для обороны. Сангомару удивился такому пассивному и самоуверенному поведению княжеского сына. "Он, что мастер какой!?-Удивлённо подумал толстяк. -Такая стойка не для новичков!"Торачиё заметил, что соперник нервничает и не удержался от высказывания:

– Бей толстяк! -Он произнёс это тихо, чтобы никто, кроме Сангомару, его не услышал.

Эффект был предсказуемым. Толстяк атаковал сбоку, горизонтальным ударом, надеясь, что это ошеломит его противника, но нет...

Торачиё в это мгновение был похож на кузнечика. Он резко присел, боккэн атакующего пронёсся над его макушкой, чуть задев пучок волос, и оттолкнувшись обеими ногами взмыл в воздух. Всем своим весом Торачиё обрушил свой меч сверху, на голову Сангомару. Толстяк рухнул как подкошенный. Ему даже показалось, что перед глазами ярко сверкнула молния, и он на мгновение ослеп. Когда зрение к нему вернулось он уже лежал на полу, а перед ним возвышалась фигура Тароноскэ, который ехидно улыбался, а потом показывал свой длинный язык.

– Получил толстомордый! -Сострил Тароноскэ. -Это мой друг Торачиё тебя прихлопнул как муху, представь, что было бы с тобой если на его месте оказался бы я!

Покуражившись, над лежащим Сангомару, Тароноскэ побежал поздравлять своего друга с его первой победой. Корисин поспешил оказать помощь поверженному. А Торачиё стоял среди окруживших его учеников, которые всюду восхваляли их нового кумира, победившего здоровяка Сангомару, а ведь не так давно они так же дразнили его. Странно было то, что Торачиё совсем не радовался победе, а даже наоборот. Расстроился. Ведь его победа означала, что завтра он покинет свой дом, и очень надолго.

* * *

На следующее утро весь замок гудел. Слуги бегали туда, сюда не зная за что уцепиться. Женщины выходили из своих домов, облачившись в самые лучшие наряды. Дети толпами высыпали на улицы, визжа и размахивая руками. Всё это происходило из-за того, что князь Тамэкагэ устроил парадное шествие своей армии, с которой собирался пойти на икко-икки.

Воины в блестящих доспехах по цепочке спускались с вершины Касугаямы, в такт, маршируя по извилистым дорогам горы. Всюду мелькали разноцветные знамёна самураев Этиго, издалека казалось, будто красивая лента, изгибаясь, сползает вниз по склону. Ржание коней, блеск оружия, ни часто можно было увидеть столько всякого разного вооружения, которым был богат клан Нагао.

Возглавлял шествие сам Нагао Тамэкагэ. Он ехал на вороном коне, в чёрных доспехах с белой шнуровкой, поверх была накинута чайного цвета дзинбаори с золотистым узором, а на голове сверкающий шлем с изображением золотой луны на передней части тульи. Рядом с князем, с левого края, грациозно семенил на своей пегой кобыле Нагао Кагэфуса, а за ним его друг и соратник Аюкава Киёнага. Справа, с серьёзной миной ехал Усами Садамицу. Дальше были конные самураи, с копьями наперевес, потом пешие мечники, ашигару с длинными копьями, лучники и много других разных отрядов. У всех воинов за спиной были прикреплены флаги-нобори с родовым гербом клана Нагао, которые изящно развивались на лёгком ветру.

Помимо гербов Тамэкагэ, были и другие, принадлежащие вассалам князя. За свитой даймё следовал небольшой отряд Усами, в сто пятьдесят человек с гербом-три бурдюка на зелёном поле, дальше, конница Какидзаки с репой на красном фоне, чёрная лента на белом Амакасу, павлония Аюкава и ещё много разных знамён.

Торачиё присоединился к шествию на выходе, у ворот второго двора и Тамэкагэ сразу же подозвал его к себе. Мальчик подъехал к отцу на пони белой масти. На этих милых созданиях часто ездили дети в самурайских семьях. Когда Торачиё поравнялся с отцом, тот вновь повернул голову вперёд и не глядя на сына спросил:

– Как твои успехи? Со всеми попрощался?

– Да от...господин! -Осёкся вдруг мальчик, не смея назвать Тамэкагэ отцом при наследнике и вассалах. -Я победил вчера своего соперника и теперь готов к новому обучению!

– Хорошо.

Всю остальную дорогу они ехали молча, улицы лишь оглашали крики толпы, обычных соглядатаев, провожающих жён и детей. Армия Касугаямы, которая насчитывала около четырёх тысяч воинов, спустилась с горы, прошла по деревне, что находилась у подножья, остановившись у небольшой рощицы. Князь Нагао позвал к себе тех, кто оставался в Касугаяме. В первую очередь он обратился к Наоэ Кагэцуне, молодому человеку двадцати семи лет, которого он оставил в замке в качестве бугё²¹.

– Наоэ! Ты хорошо понял моё поручение?

– Да Тамэкагэ-сама! Я всё прекрасно понял! -Ответствовал Кагэцуна.

– Хорошо. Отвечаешь головой! -Добавил князь, на что Наоэ покорно поклонился. - Теперь ты Харукагэ! -Обратился Нагао к своему второму сыну.

Тот поклонился и стал терпеливо ждать, что скажет отец. Само то, что Тамэкагэ обратился к нему после какого-то захудалого вассала, оскорбляло его до глубины души.

– Не делай глупостей, пока меня не будет, и во всём слушайся Наоэ. Он хоть и молод, но достаточно смекалист и образован. Доверяй ему, как самому себе.

Чтобы он следовал указаниям какого-то юбочника, злило его ещё больше.

– Да князь Тамэкагэ! Я обязательно последую вашему совету. -Сказал Харукагэ, едва сдерживая злость.

– Тэрута! -Позвал Тамэкагэ советника Харукагэ.-Присматривай за своим подопечным вместе с Наоэ и во всём помогай ему!

– Да господин! -Ответил Хидэтака. Лицо его было, словно каменным, не выдавало ни каких эмоций.

Разобравшись с вассалами, Нагао Тамэкагэ повернулся к младшему сыну. Он оглядел его с ног до головы, Торачиё был одет точно также, как и вчера, а за поясом, по-прежнему, торчал всё тот-же боккэн.

– Ты берёшь с собой меч? -Удивился князь. -Зачем он тебе в монастыре?

– Я сделал его из ветки дуба, что растёт не далеко от замка.

– Неплохо-похвалил даймё, осмотрев работу сына.

– В монастыре мне придётся жить очень долго, я хочу, чтобы хоть что-нибудь напоминало мне о доме.

– И ты вырезал ни фигурку ками, ни оберег...ты выбрал меч?

– Да господин Тамэкагэ. Меч – это то, что я намерен изучать вместе с тем, чему будут учить меня монахи! -Эти слова Торачиё произнёс громко и чётко, в них слышалась целеустремлённость и непоколебимость.

– Отлично! -Улыбнулся Тамэкагэ. Слова сына ему понравились. -Эй вы двое! -Окликнул он двух замковых стражников. -Отведите Торачиё в Ринсэндзи, передайте его заботам настоятеля Тэншицу и возвращайтесь к своим обязанностям.

– Да господин! -Ответили стражники. Они подошли к Торачиё, один взял его пони под уздцы и хотели уже пойти выполнять приказ, как их окликнули:

– Погодите немного!

Голос принадлежал Усами Садамицу, советнику князя.

– С вашего разрешения господин князь? -Обратился он к даймё, тот кивнул. Тогда Усами подъехал к Торачиё и протянул ему свёрток из красного шёлка с изображением тигра.

– Молодой господин, прошу, принять от меня сей скромный дар. Я надеюсь он поможет вам в обучении. -Торачиё принял свёрток из рук советника и вопросительно посмотрел на него, но тот лишь кивнул, добродушно улыбаясь. -Теперь прощайте! Надеюсь, что увижу вас ещё когда-нибудь!

²¹ Бугё – Градоначальник, исполнявший полицейские, судебские и административные функции.

С этими словами он поклонился и занял место подле князя. Нагао Тамэкагэ бросил последний взгляд на сына, взмахнул рукой, и армия тронулась дальше. Проехав обширные рисовые поля, они повернули на запад в сторону провинции Эттю. Двое стражников в свою очередь, неторопливо уводили Торачиё по дороге в Ринсэндзи. Мальчик, монотонно покачиваясь в седле, развернул шёлковую ткань подарка Усами Садамицу, достав оттуда обычную книгу. Оглядев её со всех сторон, поняв, что в ней нет ничего необычного, Торачиё вслух прочитал заголовок на обложке:

– "Искусство Войны. Сун-Цзы."

Глава 4

Наследник

Середина лета 5-й год Тэнмон (1536). Этиго, Касугаяма.

Солнце встало в зенит, и его лучи мгновенно пробились во двор главной башни, ослепив одного из самураев, который стоял с боккэн наготове напротив Харукагэ. Нагао молниеносно сделал выпад вперёд и поразил соперника своим деревянным мечом в живот. Тот сложился пополам и упал на колени, выронив меч. Второй противник в это время пытался обойти Харукагэ со спины, но сын князя Тамэкагэ прекрасно видел его и нарочито сделал вид, что не замечает. Самурай поднял над головой боккэн и бросился в атаку, Харукагэ легко увернулся от удара, ушёл влево, пропустив противника вперёд, тем самым, оказавшись у него за спиной, и врезал ему мечом по затылку. Самурай громко заорал, хватаясь за голову, но Харукагэ лишь усмехнулся и кинул свой боккэн слуге-оруженосцу.

– Неужели Корисин обучал этих недоносков!?!-Выругался Харукагэ. -Я был о них лучшего мнения! Или же мой папаша приволок негодного мастера фехтования! -Он не заметил, как во двор вошёл Тэрута, поэтому говорил это сам себе.

– Просто вы сын даймё мой господин, -Неожиданно произнёс Тэрута, что заставило вздрогнуть Харукагэ. -поэтому они не желают причинить вам вреда.

– Хидэтака! -Нервно выкрикнул Харукагэ, тыча пальцем в сторону своего советника. - Не смей меня больше так пугать!

– Прошу меня извинить. -Спокойно произнёс тот. Тэрута знал, что он является единственным, на сей день человеком, на которого не упадёт гнев княжеского сына. Ведь он был с ним рядом, когда ему исполнилось только три года. Тэрута воспитывал его практически как собственного сына и к шестнадцати годам вырастил прекрасную марионетку. Вся ненависть к своим родителям, вся жестокость и коварство, которые переполняли душу Харукагэ, всё это было дело рук Тэруты Хидэтаки.

Сам Харукагэ был высок и широк в плечах, только невероятно тощий и костлявый. Лицо скуластое, подбородок широкий, похожий на било молота, но опять же, болезненный вид и бледная кожа портили всю его внушительную внешность. Харукагэ хотел присесть на камень, лежавший посреди двора, как вдруг его пробил истошный кашель. Тэрута тут же подбежал к нему, подхватил под руку и повёл во внутренние покои замка. Зайдя в свои апартаменты Харукагэ обнаружил, что его оруженосец уже приготовил ему тёплый отвар, подушку-дзабутон и одеяло. Хидэтака усадил своего подопечного на приготовленное для него место, накрыл одеялом, подоткнув под ноги, и подал отвар. Харукагэ аккуратно пригубил лечебное зелье и обратился к своему вассалу:

– Хидэтака, -Медленно начал он. -как обстоят наши дела? Слышно что-нибудь из Эттю?

– Я бы на вашем месте поберег здоровье и не волновался бы по пустякам.

– Если бы это были пустяки, как ты говоришь. Я и думать бы про них забыл. Так, что давай выкладывай поскорей, а то мне нужно ещё отдохнуть.

– Как вам будет угодно. -Тэрута поклонился и начал свой отчёт. -Господин Наоэ Кагэцуна начал расширять деревню в сторону моря. Хочет построить город, а из той деревушки у побережья собирается возвести порт.

– Вместо того, чтобы повысить налоги на урожай он разбазаривает казну на свои постройки! -Выкрикнул Харукагэ. -Кретин! Мой несравненный папочка увёл все запасы на войну, а этот юбочник выдёргивает крестьян для строительства!?

– Подождите мой господин. -Прервал его Тэрута. -Наоэ не взял ни одного крестьянина, он принудил работать тех, кто прежде поднимал восстания или пытался уйти к икко-икки. Для построек он использует лес, которого в Этиго предостаточно.

– Ты, что? Пытаешься его защищать? -разозлился Харукагэ.

– Ни в коем случае господин. Просто Наоэ довольно умело управляется с возложенными на него обязательствами. Я бы даже сказал чересчур умело.

– И что теперь прикажешь делать? -Недовольно произнёс Нагао. -Помолиться за него в храме? -Ты же сам говорил, что он нам будет только помехой?

– И я говорил правду! -Нараспев произнёс Тэрута. -Но есть одно "но".

– Какое-же? -Если мы сможем переманить Наоэ на свою сторону, тогда можно будет использовать его таланты в своих целях.

– И как ты собираешься это сделать? -Заинтересовался Харукагэ. -Наоэ преданный вассал моего отца. Женщину ты ему не предложишь, у него их, хоть отбавляй. Деньги? Бедностью он тоже не страдает.

– Значит шантаж. -Подвёл итог Хидэтака, при этом заговорщицки улыбаясь. -Подкупим какую-нибудь замужнюю особу, подложим её под Наоэ, а потом она пригрозит ему, мол распустит слух, что глава клана Наоэ её изнасиловал и угрожал убить если она об этом разболтает. И если он не последний дурак, а это не так, дабы не навлечь позора на свой клан, будет делать то, что мы ему скажем или сделает сэппуку.

– Вот, что значит питать слабость к женщинам! Хорошо, что мне это чуждо. -Харукагэ хищно улыбнулся, отчего стал ещё страшнее. -Что там дальше?

– В Эттю всё идёт по плану. -Продолжил Тэрута. -Правда есть маленький нюанс.

– Говори. -Харукагэ вздрогнул от недовольства. Он не любил нюансы, даже маленькие. Если, что-то шло не так, как он планировал, тогда его начинала бить дрожь, появлялся тошнотворный кашель, а нервы разыгрывались с такой силой, что у него происходила истерика.

– Дзинбо Ёшиаки, младший брат того-самого Дзинбо, которого убил ваш отец несколько лет назад, просит снять с него дань.

– С какой стати?!-Нервно выкрикнул Харукагэ.

– Если мы снимем с него дань, -Продолжал как ни в чём не бывало Тэрута, будто не обращая внимание на истерики Харукагэ. -тогда он устроит так, что ни князь Тамэкагэ, ни его наследник Кагэфуса, не вернуться из этого похода. Такие новости для Харукагэ были как гром среди ясного неба. Он даже скинул с себя одеяло, резко поднявшись на ноги.

– Разве это возможно?!-Выдавил он через силу, так как почувствовал, что нечто встало у него поперёк горла.

– Да господин. Дзинбо заключили тайный союз с икко. Теперь малочисленные отряды фанатиков изматывают армию Тамэкагэ у западных границ Эттю, когда основная армия спрятана в холмах недалеко от местечка Сэнданно. Они ведут его в ловушку. И даже, если случится так, что Тамэкагэ одолеет икко-икки, Дзинбо не дадут ему уйти из Эттю живым. Тогда мой господин...

– Тогда я стану единственным кто сможет наследовать клан Нагао! -Восхищённо проговорил Харукагэ перебив Тэруту, но вдруг снова сел на место и спросил:

– А что если в Этиго узнают об этом? Ведь вассалы не будут сидеть, сложа руки, они захотят отомстить.

– Не беспокойтесь на их счёт. -Хитро заявил Тэрута. -На единственной дороге из Эттю в Этиго стоит Нагао Тошикагэ, ваш дядя. Он перехватывает всех гонцов от князя и шлёт ложную информацию как вассалам в Касугаяме, так и в армию Тамэкагэ. Только лишь вы мой господин сейчас ведаете о всех делах, а жители Этиго думают, что наша армия успешно побеждает врагов на чужой земле.

– Хидэтака, ты хитёр как тэнгу²²!-Обрадовался Харукагэ.-Ты даже хитрее Усами Садамицу!

– Да, будет хорошо если господин Усами поляжет вместе со своим князем. -Как-бы невзначай заметил Тэрута. -Иначе от него будет много проблем в будущем.

– К демонам его! -Выругался Харукагэ, махнув рукой. -С ним тоже разберёмся! А ты давай Хидэтака, объясни мне всё подробно? Как мы поступим?

* * *

Осень, 5-й год Тэнмон (1536). Провинция Эттю.

Фырканы лошадей раздавалось повсюду. Животные были недовольны, они проскакали несколько ри сразу же после кровопролитного боя, многочисленные раны кровоточили и размывались проливным дождём по их туловищам. Некоторые из этих бедных животных не доживут до следующего утра, впрочем, как и их хозяева. Воины клана Нагао валились без сил от множества ран и усталости. Подходил к концу час быка²³ и уже целый час как остатки армии Этиго остановились на привал. Кто-то перевязывал раны, кто-то корчился от боли, катаясь по размытой дождём земле, а кто-то тихо и молча переносил жестокое чувство поражения.

Не далеко от своих воинов, под невысоким кедром князь Нагао Тамэкагэ доживал последние минуты. Подле него находился его верный друг Усами Садамицу. Советник помог своему князю снять кирасу и аккуратно усадил его, облокотив на ствол кедр. Где-то, с левого боку, между рёбер, Тамэкагэ до сих пор чувствовал наконечник стрелы, а правый бок был разорван ударом копья. Князь практически не мог говорить, в горле комом встала горечь поражения, а от болящих ран хотелось кричать, но он был воин, он не смел показывать насколько ему больно. В глазах начали мелькать пережитые им события. Князь Нагао увидел, как он выходил победителем во многих боях, увидел он и своё поражение...

Армия Этиго прошла по провинции Эттю уничтожая многочисленные, но мелкие отряды икко-икки, которые, словно по волшебству, возникали из неожиданных мест. У Тамэкагэ создавалось впечатление, будто они заранее ждали его в намеченных местах и предвидели каждый его шаг. В итоге, спустя почти четыре месяца, измотанные воины Этиго подошли к местечку Сэнданно, недалеко от дороги в провинцию Хида. Здесь они и увидели поджидающую их армию фанатиков, которые расположились на невысоком холме за наскоро собранным заграждением. Видимо, все воины икко были пешими, так как высланная вперёд разведка, доложила об отсутствии всякого подкрепления и конницы в близлежащей местности. Позицию неприятеля можно было просмотреть со всех сторон, ведь холм возвышался посреди долины, с востока её протекала река, а с запада перекрывали две высокие горы, поросшие лесом. Тамэкагэ предположил, что на таком холме может расположиться несколько сотен воинов, поэтому эта армия не отличается от прочих, встречавшихся им до этого. Князь решил, для начала обстрелять врага из луков, а потом пойти на штурм холма.

Лучники Этиго вышли на передовую позицию и дали несколько залпов по врагу. К удивлению, Нагао, ответа не последовало. Икко-икки стояли не шелохнувшись, хотя, весь холм и их неказистое укрепление, собранное из неочищенных стволов бамбука, было утыкано стрелами. Тогда Тамэкагэ отдал приказ выступить двум пешим отрядам и атаковать противника. Воины ринулись на штурм холма. Икко так же не делали ни каких ответных шагов, но до тех пор, пока воины Этиго не подошли вплотную к укреплению. Внезапно, всё заграждение врага повалилось на атакующих, это не дало большого преимущества, но внесло сумятицу в первые

²² Тэнгу-мифические существа с длинным носом, красным лицом и птичьими крыльями. По легендам имели скверный характер, часто мороча и обманывая путников в горах. Но также имели боевые навыки и знали стратегию.

²³ Час быка-с 1 до 3 ночи.

ряды. Озверевшие от такой наглости воины Нагао усилили свой напор, им хотелось поскорей уже закончить этот затянувшийся поход и выгнать фанатиков восвояси. Но икки не собирались просто так отдавать высоту. Они, плотным, непробиваемым строем длинных копий надвинулись на атакующих и потеснили их вниз по склону.

Видя безуспешную атаку, Усами предложил обойти холм с двух сторон и зажать фанатиков в клещи. Тамэкагэ согласился. Отряды, штурмующие холм, были отозваны, и заменены очередными залпами лучников. Теперь Икко-икки пришлось не сладко, они лишились укрепления и закрывались лишь за невысокими земляными насыпями, на которых ранее высилось бамбуковое ограждение. В это время два отряда обходили холм с двух сторон, один, численностью в сто двадцать всадников под предводительством Нагао Кагэфусы, другой – около двухсот пеших самураев, вёл Хондзэ Фусанага. Хондзэ должен был ударить по фанатикам и согнать их с холма, а конница довершить дело, – добить отступающих. Но тут икко пошли на абсурдный шаг. Толпа разъярённых сектантов ринулась со своей позиции напрямик на стрелы армии Этиго, тем самым загоняя себя в окружение. Лучники, доселе чувствовавшие себя как рыбы в воде, опешили от такого безумства и стали понемногу отходить. Князь Тамэкагэ быстро перестроил передовые линии, поменяв стрелков на ашигару с копьями.

Две армии сшиблись друг с другом словно обезумевшие. Икко летели на вражеские копья, словно одичавшие от голода собаки, учуявшие запах сырого мяса, их глаза горели огнём преисподней, и казалось, ничто не сможет их остановить. Воинам Этиго начало уж казаться, что им не сломить натиск беснующихся фанатиков. Но следующее событие повергло всех в ужас. Отряд Хондзэ, обходивший холм со стороны гор, увидев неожиданный поворот в ходе битвы, повернул назад, дабы ударить в тыл врагу, был осыпан градом стрел со стороны леса, что заполнял склоны гор. И это было ещё не всё. Самураи Хондзэ решили не отступать, а немного по геройствовать, и атаковали лучников в лесу, но вместо этого встретились с несколькими сотнями вооружённых до зубов сохэй и самураев-сектантов.

Кагэфуса, взобравшийся на холм, обнаружил, что отряд Хондзэ атакован и отступает, направил своих всадников на подмогу. Тамэкагэ не понимал, что происходит, в армии Этиго началось смятение. Усами пытался наладить порядок и это у него почти получилось, возможно, жестокий натиск врага можно было отбить, если бы не неожиданное нападение в тыл, на ставку князя.

Предводитель икко-икки Энами Кадзуёри, с большими силами обошёл гору, которая послужила им засадой, и пока Тамэкагэ был отвлечён бездумной лобовой атакой, и засадой в лесу, ударил в самое сердце армии. В стане началась паника. Князь Тамэкагэ сам взялся за оружие и начал отбиваться от врагов. Но тут произошла ещё одна неожиданная атака. Со стороны реки появилась конница врага и смяла, остававшимся пока целым, левый фланг самураев Этиго.

Началась резня. Остававшиеся невредимые отряды молодого воина Какидзаки Кагэиэ, вышли из своего укрытия и рванули к лагерю князя. Они сумели отбить Тамэкагэ, который уже истекал кровью, и прикрыли его отступление. Усами Садамицу с горсткой вассалов уводили побеждённого князя на север провинции...

– Усами! -Еле выговорил Тамэкагэ, захлёбываясь собственной кровью. -Это была ловушка!

– Да мой князь. -С горечью отозвался Садамицу. -Это была ловушка. И я чувствую, что здесь не обошлось без Дзинбо, с подачи Тэрута! -Сказав это он хищно оскалился.

– Ч-что? -Хрипло спросил Тамэкагэ.

– Нас предали мой князь. -Безнадёжно сказал Усами. -Нас обошли во всём, в политике, в стратегии и даже в сражении.

– Где Кагэфуса? -Голос Тамэкагэ угасал с каждым мгновением.

– Я не видел его после того как он пошёл на помощь Хондзё.-Покачал головой Усами.- Возможно он не пережил этого сражения.

– Помоги мне Усами. -Князь Тамэкагэ кое-как выпрямил спину и сел на оба колена. Садамицу высунул из-за пояса кинжал-танто, обнажил клинок и передал его Тамэкагэ. Князь раздвинул полы косодэ, обнажив окровавленное тело. –Усами.

– Да мой господин!

– Позаботься о Торачиё. Когда придёт время, сделай так, чтобы мальчик нашёл своё место под солнцем. А теперь, начнём...

Усами Садамицу поднялся на ноги, извлёк свой тачи из ножен и поднял над головой. Нагао Тамэкагэ взглянул в последний раз на ночное, заволоченное грозowymi тучами, небо и, что есть силы, вонзил кинжал в левую часть живота, провёл клинок вправо, разрезая холодной сталью окровавленную плоть, и опрокинул голову вперёд. Лицо князя скривилось от боли, но он не издал ни звука. В это мгновение Садамицу рубанул мечом по шее своего даймё и его голова упала прямо возле колен, обратив свой последний взгляд на своё же безжизненное тело.

Садамицу хотелось заплакать, но он сдержал слёзы, завернул голову Тамэкагэ в шёлковый мешок и подозвал одного из самураев:

– Ятаро! На зов Усами откликнулся здоровенный парень, с молодым лицом. Он подбежал к советнику, но тут же осёкся, увидев обезглавленное тело своего князя. Ятаро упал на колени, уткнувшись лбом в грязь.

– Господин Тамэкагэ! -Заорал он.

– Заткнись Ятаро! -Громко выругался Усами. -Мне тоже нелегко! Но сейчас не время оплакивать князя, не ровен час и нас нагонят икко-икки! Нам нужно закопать тело господина прямо под этим кедром, и притащите большой камень, мы высечем на нём имя нашего погибшего князя!

– Слушаюсь! -Ятаро поднялся с колен, отёр слёзы и стремглав бросился выполнять поручение.

Через пол часа всё было сделано. Небольшая кучка вассалов окружила габаритный валун в половину человеческого роста и стали молиться за упокой души князя. В лагере стояла полная тишина, и только непрекращающийся проливной дождь нарушал её.

Послышался крик дозорных:

– Стой, кто идёт!?

– Пропустить! -раздалось в ответ. -Я Какидзакки Кагэиэ!

Молодой воин двадцати четырёх лет, который прикрывал отступление князя, спрыгнул с коня и подбежал к столпившимся у камня, людям. Завидев Усами, Кагэиэ встал на правое колено, коротко поклонился и с солдатской точностью отчитался:

– Садамицу-сан! Войско икко-икки отступили обратно в Кагу! Мы сумели вывести некоторую часть нашей армии из битвы, они ожидают дальнейшие распоряжения князя!

– Потери? -Коротко спросил Усами.

– Большая часть армии погибла в Сэнданно. -Какидзакки огорчённо опустил голову. Выслушав донесение, все снова повернулись в сторону камня. Кагэиэ поднялся и решил полюбопытствовать, чем так все увлечённо заняты. Он протиснулся вперёд и увидел валун.

–Что это? -Приглядевшись он разобрал высеченные на камне письмена.

"Здесь покоиться Великий даймё Этиго Нагао Синано-но-ками Тамэкагэ, Живший с третьего года Энтоку по пятый год Тэнмон. С честью и достоинством погибший в битве с войсками икко-икки при Сэнданно."

* * *

Киёнага шёл впереди, прорубая мечом дорогу через бурелом и многочисленные кустарники для того, чтобы люди, следовавшие за ним, смогли беспрепятственно пронести носилки. На носилках, сооружённых из бамбуковых стволов, с натянутым на них хоро²⁴ с гербом клана Нагао, корчился от боли наследник князя Тамэкагэ, Кагэфуса. Попав в окружение врага, он был неоднократно ранен и сбит с лошади, которая в неразберихе ещё потопталась по хозяину, а потом рухнула на него подбитая вражеской стрелой. Кагэфуса лежал в беспамятстве и многие подумали, что он мёртв, но верный друг Киёнага не оставил его лежать под ногами дерущихся воинов. Он пробился к нему, стащил с него труп лошади и с боем вывел его из кровавой битвы. За Киёнагой последовало ещё около двадцати самураев. Аюкава Киёнага возблагодарил всех Kami и будд, когда увидел, что его друг жив. Он тут же начал уводить наследника через горные тропы и леса, лишь бы подальше от беды. В глубине души Аюкава надеялся, что ещё кто-нибудь кроме них вышел из битвы живым и старался как можно быстрее добраться до какого-нибудь селения, чтобы оказать Кагэфусе помощь.

Они шли уже второй день, то забираясь в горы, то спускаясь вниз по узким поросшим кустарниками тропам. Раненый Кагэфуса очень существенно замедлял их переход, а для него это было очень опасно. Киёнага постоянно подходил к нему и успокаивал, мол, скоро они найдут людей и лекарства, хотя наследнику Нагао было всё равно, что говорил его друг. Кагэфусу то и дело посещали галлюцинации, и он в бредовом состоянии бормотал невзвешенно. Благо для остальных спутников в горах было много источников с чистой родниковой водой, поэтому от жажды никто не умирал. Сам Аюкава был не в настроении пить или есть. Главной его целью было доставить Кагэфусу в безопасное место. Он лишь изредка утолял жажду, когда они останавливались на привал возле очередного источника, отдыхали недолго и снова шли. Киёнага даже не удосуживался смыть кровь, перемешанную с грязью, на лице и руках. Волосы его, когда-то густые и завитые по бокам как у воинов времён императрицы Химико²⁵, были распущены и слиплись от пота и крови. Доспехи были изрублены в клочья, по ноге струилась кровь из глубокой раны, полученной в бою, но тем не менее Киёнага неустанно шёл вперёд. Жизнь друга и господина для него была дороже собственной.

К вечеру, третьего дня пути, они вышли в криптомериевый лес. Углубившись чуть дальше, перед путниками открылось горное ущелье, на дне которого, бурно струилась широкая река. Аюкава приказал всем остановиться и передохнуть, а сам подошёл к краю ущелья и глянул вниз.

– Слишком высоко. – сказал он сам себе, окинув взглядом склон обрыва. – Мы не сможем переправиться на другую сторону вместе с Кагэфусой. Придётся идти вниз по течению, вдоль ущелья. – он крепко сжал кулаки и закричал, что есть силы. – Проклятая провинция! Мы когда-нибудь выберемся отсюда! Мой друг умирает!

Все с сожалением посмотрели на Киёнагу, все как один понимая, что ничем не смогут ему помочь, они, так же, как и он были здесь чужаками. Но один из них всё же не разделял их чувства.

Самурай, невысокий, около сорока лет, подошёл к обрыву, где стоял Киёнага, так же, как и он оглядел склоны и реку, повернулся к командиру и сказал:

– Господин Аюкава, мы спасены!

– Что ты несёшь Гэндзабуро! – не понимая смысла слов воина, оскалился Киёнага.

– Это Чёрная река. Она течёт с гор Идо. – Гэндзабуро ткнул пальцем в сторону юга, где сквозь величественные кроны криптомерий проглядывались острые пики гор.

– И что? Как нам это поможет? – всё ещё недоумевал Киёнага.

²⁴ Хоро-тип плаща, носимый самураями на задней части доспехов, предназначенный для улавливания стрел.

²⁵ Химико-легендарная императрица Японии, правящая где-то в 3-ем веке нашей эры.

– А то, что течёт она на север к морю. Если мы пойдём чуть левее по направлению течения, то попадём прямёхонько в деревню Татэяма.

– Откуда ты знаешь? -с недоверием спросил Киёнага.

– Я бывал здесь. Только очень давно, в детстве. Мой отец родом был из Татэямы. Посёлок стоит у подножья гор Идо, склоны которых украшает густой криптомериевый лес, а к востоку протекает вот эта река, которую ещё древние айны называли Чёрной.

– Хорошо! -обрадовался Киёнага. -Если это окажется правдой, то я лично попрошу князя о награде для тебя.

– А если нет? -насторожился Гэндзабро.

– Не пугайся, нам всё равно нужно выбираться отсюда любыми способами. -развеял опасения Киёнага. Они тут же двинулись в путь, в ту сторону, куда посоветовал Гэндзабро. Кагэфура лежал без сознания, но всё ещё дышал. Киёнага надеялся, что они успеют добраться до Татэямы до того, как наследнику станет хуже. Не прошло и четверти часа, как группа беглецов из Сэнданно, выбралась из леса. Перед их взорами замелькали огоньки, горевшие внизу в долине. Это были костры, разведённые воинами, которые встали лагерем у Татэямы. Киёнага возликовал, когда увидел среди костров, развивающиеся знамёна Нагао.

* * *

Татэяма, Эттю.

Утром следующего дня Киёнага проснулся в доме деревенского самурая, который любезно предоставил беглецам кров. Едва открыв глаза, он тут-же поднялся на ноги, надел чистую одежду и не позавтракав отправился в баню. Баня располагалась отдельно от дома, на заднем дворе, где дочь хозяина предварительно позаботилась, наполнив офуро²⁶ горячей водой. Девушка вежливо встретила воина и пригласила внутрь. Киёнага без колебаний забрался в широкую кадку, величиной в три обхвата не меньше, и мгновенно провалился в небытие, тело его полностью расслабилось, что он даже позабыл о проблемах, свалившихся на него совсем недавно.

– Если вам что-нибудь понадобится, крикните Кику! Я буду недалеко! -донёсся голос девушки с улицы. На что Киёнага только кивнул, даже не подумав о том, что девушка просто не могла этого увидеть, он полностью расслабился в горячей воде.

Отмывшись, Киёнага обнаружил, что возле входа лежит его новая, чистая одежда и большой меч, маленький меч он захватил с собой по привычке, когда поднялся с постели. Облывшись, он вышел на улицу, где его ожидала, всё та же девушка по имени Кику. Киёнага пристально начал разглядывать её, та засмушалась, от чего щёки её стали похожи на спелые вишни.

– Господин самурай. -робко произнесла Кику. -Зачем вы так на меня смотрите? Мне становится неловко.

– Пытаюсь разобраться, чем девушки Эттиго отличаются от вас, девушек Эттю.

– И чем же?

– У нас они более раскрепощённые.

– И всего то? -скромность Кику начала перерастать в кокетство.

– Не знаю. Если бы у меня было больше времени я может и изучил бы черты характера представительниц вашей провинции на твоей особе, но к сожалению, я занят. -Киёнага огляделся вокруг, оторвавшись от созерцания девицы и не глядя спросил. -Кто-нибудь из наших приходил?

²⁶ Офура – Японская ванна, похожая на бочку, состоявшая из разных пород дерева, имеющая диаметр около 1м. и глубину около 80см.

– Все вы мужчины одинаковые, только и думаете о войне, -обиделась на безразличие самурая Кику. -вас что, женщины совсем не интересуют? Киёнага резко глянул на неё, от удивления его брови выгнулись дугой в обратную сторону

– Я вдруг увидел ещё одну примечательную особенность, отличающую вас от женщин Этиго! – тон его голоса начал понемногу повышаться, что было очень чревато, но Кику видимо этого не заметила. Она захлопала глазами, в ожидании приятных слов. -Скудоумие! -рявкнул Киёнага.

Девушка тут же притихла, быстро опустив голову и сжалась, словно испуганный котёнок.

– Кто-нибудь приходил из лагеря Этиго? -повторил вопрос Киёнага.

– Да! -не поднимая голову ответила Кику. Голос её был сдавленным, и самурай понял, что девушка вот-вот заплачет. -Был гонец от господина Усати...нет, Умаси... –

– Усами? -поправил её Аюкава, начиная терять терпение.

– Да! Усами! Он сказал, что когда вы проснётесь и приведёте себя в порядок, то должны прибыть в лагерь.

– Ясно. -буркнул себе под нос Киёнага и тут-же зашагал к выходу. Ему было наплевать, что он расстроил девушку, которая так заботливо обошлась с ним сутра. Все его мысли занимало лишь нынешнее положение армии Этиго и состояние Кагэфусы. Он вышел из ограды через запасную калитку на заднем дворе дома и чуть ли не бегом помчался к лагерю, который расположился возле деревни.

Прошлой ночью, когда он со своими спутниками прибыл в Татэяму, их встретил, стоявший здесь лагерем Нагао Тошикагэ. Брат князя Тамэкагэ выдвинулся на подмогу армии Этиго, но опоздал. Объяснив это тем, что вести о положении армии до него дошли слишком поздно. Услышав от Киёнаги, что армия Нагао потерпела поражение, он тут же хотел выступить в Сэнданно. Но Аюкава отговорил его, сказав, что армия рассеяна по провинции и он вряд ли сможет им чем-то помочь, тем более что в распоряжении Тошикагэ было всего полторы тысячи пехотинцев, тогда как икко-икки разбили армию Этиго в шесть с лишним тысяч воинов. Тогда Тошикагэ решил остаться в Татэяме и отправить за помощью гонца к клану Дзинбо и вместе с ними отправиться на помощь к Тамэкагэ. Аюкава согласился с ним. Кагэфусу они поручили местному лекарю, а сам Киёнага, за то, что выгащал наследника из боя, был отправлен в дом старосты деревни, дабы уютно отдохнуть, поесть и отмыться.

Усами Садамицу тогда ещё не было. Возможно, он прибыл в Татэяму уже под утро. Киёнага просил Тошикагэ, чтобы его тут-же оповестили, если станет что-нибудь известно об уцелевших в Сэнданно. Но из-за неосмотрительной девушки, сообщение до него дошло только через час.

Аюкава быстро преодолел расстояние от дома самурая-старосты до лагеря. Стражники, узнав молодого воина, тут-же пропустили его в маку, где собрались полководцы клана Нагао. Ширмы были раздвинуты, поэтому Киёнага ещё из далека разглядел собравшихся там воинов и ему очень не понравилось, что во главе восседал Нагао Тошикагэ.

– Господин Аюкава! -воскликнул Тошикагэ, завидев его. -Как вам отдыхалось? -в его словах, Киёнага услышал некоторую язвительную иронию. Он понял, что его опоздание вызвало недовольство.

"Значит дела идут плохо."-подумал он про себя.

Киёнага пристыженно опустил голову и занял место среди сидящих самураев.

Совет продолжился.

Через недолгое время Аюкава узнал ужасающую новость. Князь Тамэкагэ погиб! Слова о его смерти играла у всех на устах. Многие полководцы покойного даймё сидели, понуриив головы. Все, кто уцелел при Сэнданно, находились в глубоком отчаянии, лишь один самурай сохранял невозмутимость. Усами Садамицу, по словам, его и других, он лично выступил

помощником в ритуальном самоубийстве князя. И сейчас, главным вопросом оставалось то, будут ли вассалы Нагао мстить за своего господина или же отступят в Этиго.

– Давайте заручимся поддержкой Дзинбо Ёшиаки и выдвинемся на Кагу!?!-громогласно предлагал Тошикагэ. Несмотря на то, что он занял место во главе совета, большой значимости его слово не имело. Армия Этиго вообще осталась без главнокомандующего, так как наследник Кагэфуса лежал без памяти. А назначать Нагао Тошикагэ во главе войска, старшие вассалы князя не собирались, потому, что он не обладал качеством полководца, а авторитет его основывался лишь на родстве с покойным даймё и богатстве.

– Дзинбо говорите? -будто сам себе, повторил Усами Садамицу. -А не кажется ли вам, что наше поражение как-то связано с ними? Ведь икко-икки, можно сказать, наводняли Эттю, а Дзинбо будто не знали об этом. Мы посылали им гонцов, но те словно по волшебству канули в пустоту, или же князь Ёшиаки не хотел нам отвечать. Кстати! -Усами перевёл взгляд на Тошикагэ. -Вам господин, также было отправлено несколько посланцев, и вы также не отвечали нам. – Усами хитро прищурился и стал ожидать, что он ответит.

Тот округлил глаза от растерянности и, заикаясь, ответил:

– Я-я же говорил, что эти фанатики обладают магией! Э-это они подстроили, несомненно!

Усами отвернулся. Безнадёжность Тошикагэ его раздражала, но он был не из тех, кто даёт волю эмоциям. Тем более в присутствии посторонних людей. Садамицу, погладив свою бородку, произнёс:

– Вы слишком превозносите своих врагов Тошикагэ-сан, -не глядя на Нагао, сказал он. -если конечно таковыми их считаете. Мне кажется, что Дзинбо заключили тайный союз с икки и теперь, когда мы потерпели поражение, они расторгнут наш договор с ними и снимут с себя плату, возложенную на них покойным господином.

– И что вы предлагаете? -озадачено спросил Тошикагэ, переведя дух. Он сильно занервничал, когда Усами обратился к нему с подозрениями.

– Я предлагаю незамедлительно отступить в Этиго. Если мои предположения верны, то оставаться в чужой провинции опасно. Не ровен час, и Дзинбо поднимут оружие против нас, а наша армия итак в плачевном состоянии. -Усами оглядел присутствующих. -Я предлагаю проголосовать? Кто за то, чтобы вернуться в Этиго? А кто за то, чтобы преследовать икко-икки?

Генералы начали перешёптываться между собой и после недолгого обсуждения начали высказываться по одному.

– Нужно непременно отступить. -произнёс один из старших вассалов Накадзё. -Я полностью согласен с господином Усами. Икки усыпили нашу бдительность, нападая малыми отрядами и заманили в ловушку...на территории наших союзников. Это пахнет заговором.

– Нужно уберечь господина Кагэфусу в первую очередь! -выкрикнул Аюкава Киёнага. -Отступаем!

– Я не буду рисковать своими людьми понапрасну! -сказал Хондзё Фусанага

– Отходим!!!-кричали остальные.

Не высказался только один. Молодой воин Какидзаки Кагэиэ сидел молча не далеко от входа и с раздражением наблюдал за происходящим. Генералы упёрли в него свои взоры, как будто окончательное решение зависит от него. Хотя итак было всё уже ясно. Кагэиэ нервно выплюнул травинку, которую жевал всё это время, хлопнул себя по колену и сказал, своим грубым, подобным рычанию волка, голосом:

– Я не привык отступать с поля боя! И меня душит та мысль, что мы проиграли этим оборванцам...-он замолк на мгновение, будто вбирал в себя воздух, чтобы выдать ненавистные ему слова. -В знак уважения к храбрости покойного князя и к мудрости Садамицу-сана... Я отведу свой отряд вместе с вами.

Тошикагэ облегчённо вздохнул. Его храбрость была на самом деле сплошной показухой, в глубине своего дрожащего сердца, он не меньше других хотел вернуться в Этиго.

Все начали было собираться в дорогу, но тут в маку вбежал молодой пятнадцатилетний парень, чей рост и телосложение ни как не походило на человеческое, а скорей на медвежье.

– Господин Усами! Т-там! -орал, своим громоподобным голосом, юнец.

– Что случилось Ятаро? Что там? -удивился Садамицу, разглядев, что на глазах молодого воина наворачиваются слёзы.

– Там! Господин Кагэфуса! Он мёрть!

– Что-о-о!?-подскочил Киёнага. -Ты что мелешь негодяй!?Как он мог умереть? -Аюкава подскочил к Ятаро, схватил за нагрудник и начал трясти изо всех сил. Это у него плохо получалось, так как молодой Ятаро намного превосходил, более старшего Киёнагу, в комплекции. – Кто тебе такое сказал? Отвечай!?

– Монах, что смотрел за ним! -рыдая воскликнул Ятаро. -Он послал к вам послушника, а я передал вам!

– Где этот монах? Я убью его! -Киёнага рванулся к деревенскому храму, куда ещё вчера отнесли раненого Кагэфусу, обнажив по пути меч.

– Остановите его! -крикнул страже Садамицу. -Не дайте ему совершить глупость!

Пятеро воинов сорвались со своего поста у маку и поспешили за Аюкавой. За ними последовали и все полководцы.

Тем не менее, Киёнага успел добежать до храма быстрее остальных, но на монаха кидаться не стал, а обрушился на колени возле бездыханного тела своего друга. Обхватив его руками, он начал трясти тело, крича чтобы тот очнулся. Кагэфуса не отвечал. Монах-лекарь с двумя служками сидели рядом и, сомкнув кисти рук в замысловатом знаке, читали молитвенные сутры, дабы душа умершего благополучно ушла в круг перерождений.

Аюкава, очнувшись от своей паники, повернулся к монахам. Глаза его были красные от слёз и ярости. Он стиснул рукоять меча обеими руками и поднял его над головой лекаря. Монах сидел неподвижно с закрытыми глазами и продолжал молиться. Истошно закричав, Киёнага опустил меч.

– Не стоит. -только и услышал он, когда чья-то рука перехватила лезвие. Аюкава поднял глаза и увидел перед собой Кагэиэ. По его ладони, сквозь перчатку, просочилась кровь. -Он здесь не причём. -спокойно сказал самурай.

– Тогда кто!?-завопил Киёнага. Слёзы снова хлынули из глаз. -Они же говорили, что он поправиться. Это они убили его!

– Они монахи. -ответил Кагэиэ, всё ещё не выпуская клинок из руки. -Служители Будды не убивают людей.

– Да! -на Аюкаву снова начал находить приступ ярости. -Икко-икки тоже монахи и сохэй так же служат Будде! Но они убивают и всегда убивали. Так что-же мешает этим, -он кивнул в сторону молящихся. -убить человека. Тем более, что он наследник враждебного им князя.

– Какидзаки убери его. -сказал подошедший Усами. Кагэиэ кликнул Ятаро и они вместе утащили беснующегося Аюкаву из храма. Садамицу присел возле тела и внимательно осмотрел его.

– Что вы ему давали? -обратился он к монахам.

– Ничего особенного. -ответил старший. -Травяные настои от лихорадки, прикладывали курт, чтобы раны не опухали.

– Курт готовили сами? -тут-же спросил Усами.

– Нет. Нам продал готовые лекарства один заезжий аптекарь. Он уехал сегодня утром.

Садамицу тяжело вздохнул, поднялся на ноги и повернулся к полководцам, которые столпились вокруг тела.

– Что? -Тошикагэ, который прибежал позже остальных, растолкал самураев и вопросительно глянул на Усами. -Что с ним?

– Отравили. -хладнокровно ответил советник. -Избыток курта приводит к замедлению сердцебиения, а потом и вовсе останавливает.

– Как это понимать? -возмутился Тошикагэ.

– Понимайте как хотите господин Нагао. -вежливо ответил Усами. -А я понимаю одно. Вся эта кампания изначально была задумана как истребление глав клана.

– Но кто? -подал голос Накадзё.

– Тот, кому это было выгодно. А выгоду здесь поимели три стороны. Первые, -это икко-икки, они убрали князя Тамэкагэ, так-как он угрожал их распространению. Вторые-это Дзинбо, смертью князя они сняли с себя принужденную дань. -Усами медленно направился к выходу.

– А кто третий? -Тошикагэ занервничал. Подозрения Усами щекотали ему всё нутро.

Садамицу повернулся к генералам уже на выходе и, не ответив на вопрос Тошикагэ, произнёс:

– Собираемся. Тело Кагэфусы возьмём с собой в Этиго. Чем скорее мы уберёмся отсюда, тем лучше для нас и нашей провинции.

Уже к полудню армия выступила из Татэямы и отправилась на восток в сторону Этиго. А таинственный аптекарь, продавший злополучное лекарство монахам, прибыл в Касугаяму уже следующим утром и попросил аудиенции у Нагао Харукагэ.

* * *

Касугаяма, Этиго.

Харукагэ попробовал выйти на балкон, но тут же зашёл обратно, когда на него подул прохладный ветерок. Он прошёл в дальней конец приёмной залы и закутавшись в тёплое кимоно сел на дзабутон. Служанка, всегда находившаяся подле него, тут же поднесла ему горячий чай. Харукагэ ждал Хидэтаку с новостями. Ведь прошлым вечером армия Этиго вернулась из Этю с полным поражением. Харукагэ, через Тэруту, назначил всем вассалам встречу в главной башне замка, чтобы поставить все точки над и. Он ничуть не расстроился, узнав о смерти отца и родного брата, а даже наоборот, приободрился. Вед теперь уже никто не стоит между ним и наследием клана. Остальные его братья были слишком малы и наверняка не заслужат одобрения большинства вассалов. Значит, Харукагэ становится неоспоримым наследником. При этой мысли он улыбался сам себе и уже предвкушал, какие нововведения примет для своих подданных.

Тэрута вошёл, как всегда тихо и ни Харукагэ, ни служанка, не заметили его.

– Доброе утро мой господин! -неожиданно произнёс Хидэтака, и Харукагэ вздрогнул.

– Хидэтака! -воскликнул он. -Когда ты перестанешь пугать меня своими неожиданными появлениями?

– Прошу простить меня Харукагэ-сама, но вам нужно поторопиться.

– Куда? -забеспокоился наследник. В голове вдруг промелькнула мысль о мятеже. Он снова начал истошно кашлять. Служанка бросилась к нему, но тот остановил её, выкинув перед собой руку. -Выйди вон!

Обеспокоенная женщина, бросив укоризненный взгляд на Тэруту, поспешила удалиться.

– О, Харукагэ-сан, трижды извините меня! -начал оправдываться Хидэтака за свои волнительные слова. -Я имел ввиду поторопиться к приёму ваших подданных. Они скоро соберутся в этой зале.

Харукагэ откашлялся и яростно глянул на Тэруту.

– Клянусь всеми ками Хидэтака! Не был-бы ты мне так близок, приказал бы казнить тебя!

– Я не хотел вас расстраивать, но дело срочное. Они будут здесь совсем скоро.

– Так в чём-же проблемы? -удивился Харукагэ. -Я готов.

– Нет. -отрезал Тэрута и подойдя к Харукагэ, скинул с него утеплённое кимоно, сунул в руку веер и получше зачесал ему волосы, которые были растрёпаны из-за того, что Харукагэ периодически ложился на подушку и накрывался с головой одеялом. Нагао даже не смог ему сопротивляться.

– Что ты себе позволяешь? -без злости сказал Харукагэ, так как действия Хидэтаки вызвали у него маленькую симпатию.

– Предаю вам представительный вид должный князю.

– Но ведь вассалы ещё не признали меня своим господином? -заволновался Харукагэ.

– Это и не нужно. -Тэрута сел слева от наследника, подогнув ноги под себя. -Им придётся это сделать, иначе они станут мятежниками.

– Но как? -озадаченно произнёс Харукагэ. -Как ты это сделал?

Тэрута сделал, абсолютно хладнокровное лицо, уперев свой взгляд на, противоположную от него, фусума.

– Мой сын Хидэтада, если вы конечно помните, является слугой нашего сюго Уэсуги Садазанэ. Он подговорил его подписать приказ о вашем назначении на должность помощника сюго, за неимением других наследников покойного князя. -Тэрута также невозмутимо, перевёл взгляд на Харукагэ. -Хидэтада уже едет в Касугаяму с этим назначением. Поэтому, мы потянем немного времени и начнём наше собрание с обсуждения предстоящих похорон погибшего Тамэкагэ и Кагэфусы. И прошу вас, держите себя в руках; постарайтесь не кашлять, не срывайтесь на возможные недовольства вассалов, спину держите прямо и не сутультесь. Они должны видеть, что новый даймё находится в добром здравии, иначе это посеет больше сомнений в их сердца.

Выслушав Хидэтаку, Харукагэ засиял на глазах. Уставившись в дощатый, покрытый лаком потолок он начал мечтать, а заодно ожидать своих подчинённых.

После недолгого ожидания, как и говорил Тэрута, приёмный зал наполнился многочисленными вассалами. Кроме прибывших из Эттю, явились и те, кто не участвовал в походе, это Иробэ Кацунага, клан Ясуда, Уэда Фусанага ещё один брат Тамэкагэ с юга провинции и многие другие. Они расселись в несколько рядов посреди зала, а не вдоль стен как это было всегда. Первый ряд представляли старейшины клана, второй-наследственные вассалы, третий и четвёртый-остальные подданные, а следующие ряды составляли союзные кланы и простые гасира-командиры отдельных отрядов.

Как и было запланировано Тэрута, совет начался обсуждения похорон покойных, даймё и наследника. Это не продлилось долго. Голову Тамэкагэ, которую Усами Садамицу привёз с собой, предадут огню, а прах поместят в урну и похоронят на кладбище монастыря Ринсэн. Та же участь ждала и Кагэфусу. Его решили похоронить рядом с отцом. Похоронный обряд решили назначить на следующий день.

Как только обсуждения закончились, в дверях появился стражник и доложил:

– Прибыл Куродо Идзуми-но-ками Хидэтада со срочным донесением!

– Пусть войдёт! -повелел Харукагэ. Он, как мог, сдерживал волнение. -"Ну наконец-то! -подумал он. -Сейчас пройдёт немного времени и всё! Власть будет в моих руках! Держитесь у меня все!"

В приёмную вошёл мужчина лет тридцати. Лицо его было наголо выбрито, волосы, как и у всех присутствующих, зачёсаны и убраны в хвост, только не на затылке, а на темени. Глаза большие и широкие, взгляд дикий, говорил о неуравновешенности этого человека. Его верхнюю губу разделял пополам толстый уродливый шрам, что подразумевало непосредственное участие в сражениях. Рост его был выше среднего, худощав, но жилист и длиннорук. Одет в черно-зелёную дорожную одежду, а в руке сжимал свиток.

– У меня послание от сюго Уэсуги Сададзанэ! -сразу же начал Куродо. Все вассалы удивлённо обернулись на него. Усами опустил глаза, в предвкушении дурных новостей.

– Говори Хидэтада! -разрешил Харукагэ, засияв ещё больше.

Куродо развернул свиток, оглядел всех сидящих и, удостоверившись, что всё внимание сосредоточено на нём, начал читать:

– В связи с кончиной прославленного полководца Нагао Синано-но-ками Тамэкагэ, в неравной борьбе с превосходящими силами икко-икки, Я сюго Уэсуги Этиго-но-ками Сададзанэ провозглашаю сегодней и наследником клана Нагао-Сандзё, Нагао Синано-но-ками Харукагэ!

Хидэтада, дочитав, показал свиток всем присутствующим. Вассалы, удостоверившись, что под указом имеется подпись и печать Уэсуги, озадачено умолкли. Тишина длилась долго. Куродо тем временем занял место среди вассалов. Тихину, как не странно, нарушил шумный воин с севера.

– Что это за вздор?!-возмутился Иробэ Кацунага, обжигая своим взглядом Харукагэ. - Почему не посоветовались с нами?

– А вы видите другой вариант? -вопросил Тэрута.

– Кровь Тамэкагэ ещё не остыла, а вы уже обо всём позаботились! -выкрикнул Уэда Фусанага.

– Мы даже не похоронили прежнего князя, а тут появился новый! -взбесился Какидзаки.

В зале поднялся шум, многие были не довольны, а некоторые выступали за Харукагэ, молчали лишь трое. Наоэ Кагэцуна на удивление был спокоен и глядел лишь в пол перед собой. Аюкава Киёнага после смерти Кагэфусы, не думал не о чём кроме мести убийце друга, он даже не слышал, что читал Куродо, хотя понимал, что происходит вокруг. Усами Садамицу молча и хладнокровно наблюдал за балаганом, который устроили вассалы, и ждал следующего акта.

Внезапно, приёмную огласил громкий, но спокойный возглас. Вассалы дружно замолчали, начали бегать глазами по залу, ища виновника, нарушившего их спор. Наконец, внимание их заострилось на старом воине Накадзё Фуджисукэ.

– Помолчите немного. -уже тихо, но с укором проговорил он, будто ему помешали спать. -Нет смысла спорить попусту. Решение принято уже за нас и назад ничего не воротишь.

– Но это ведь неправильно! -говорил Уэда Фусанага. -Нельзя принимать решение, не посоветовавшись с вассалами. Князь Тамэкагэ назначил наследником Кагэфусу, но тот был отравлен неизвестными. Значит, наследника нет, и мы вправе потребовать право голоса.

– Тогда нам нужно обращаться к самому губернатору, но тот вряд ли послушает нас, так как до сих пор считает себя действительным ставленником сёгуна в Этиго, что даёт ему право решать за других, а если мы ослушаемся, нас объявят мятежниками и любой сможет покарать нас по приказу сёгуна.-ответил Накадзё.

– Так, что, выхода нет? -расстроился буйный Иробэ. Он повернулся к молчавшему Садамицу. -Усами! Ты чего молчишь? Язык проглотил?

– Пусть наследником будет Харукагэ-сан. -безразлично ответил он, что вызвало у вассалов удивление на лицах. И даже Наоэ Кагэцуна обескуражено глянул на советника, он до последнего момента надеялся, что Садамицу что-нибудь придумает. Но тот продолжил с такой же беззаботностью. -А кому ещё? Молодой господин Чикаро едва перешагнул первый десяток своих лет, Торачиё всего семь, да к тому же его отправили в храм. Хотя, -Усами хитро прищурился, почесал бородку, подумал и иронично добавил. -госпожа Айя умная девочка, можно предложить её!

– Усами! Ты спятил на старости лет? -огрызнулся Иробэ не поняв шутку советника и разочаровавшись в его бездействии. -Но ты как всегда прав. Другого выхода я не вижу.

– Пусть будет так, как было решено. -добавил Накадзё. -Возможно Харукагэ сделает для Этиго много полезного.

– Так вы согласны с назначением? -наконец произнёс Тэрута. Оглядев всех присутствующих, он увидел, что многие закивали. Подозвал стражника, тот поспешно подошёл, присел на одно колено и преподнёс Хидэтаке шкатулку и также быстро удалился. Советник новоиспечённого даймё, открыл шкатулку и вынул оттуда свиток, развернул и на удивление всем, оказалось, что сей предмет был очень длинным и даже превышал рост человека.

– Князь Нагао Харукагэ желает, чтобы вы, его верные вассалы поклялись беспрекословно подчиняться ему и поставили здесь свои подписи под каждым именем.

Вассалы недовольно зароптали, но через недолгое время согласились с этой формальностью и, приняв свиток, передовая друг другу, начали оставлять свои подписи. Не глядя подписался и Аюкава Киёнага, которому было всё равно кто правит Этиго, лишь бы ему дали отомстить за смерть друга. Когда очередь дошла до Усами, тот оглядел весь свиток, от начала до конца и не удивился, увидев подпись Наоэ, хотя очередь до него ещё не дошла.

– Я не стану подписываться в этом документе! -неожиданно для всех провозгласил Садамицу. Харукагэ даже закашлялся, но быстро унял свой недуг с большим усилием.

– Что всё это значит господин Усами?!-обозлился Тэрута. -Вы же сами сказали, что принимаете нового даймё! Хотите, чтобы вас провозгласили мятежником?

– Что вы, что вы! -небрежно отмахнулся Садамицу. -Я просто хочу немного поправить вас.

– В каком смысле? -не понял Хидэтака.

– Я хочу сказать, что ни я, ни Наоэ-сан, не являемся вассалами клана Нагао.

– Но вы же были советником и стратегом покойного Тамэкагэ-сана?

– То было лишь номинально. По сути, нет ни каких документов, подтверждающих мою должность. Так, что без дозволения своего сюзерена, коим является Уэсуги Сададзанэ, я не могу стать вассалом Нагао. Так же, как и Наоэ-сан.

– Но господин Наоэ Кагэцуна, по своей воле подписал документ. -сказал Хидэтака и обратился к Наоэ. -Ведь так, господин Кагэцуна?

– Да! По собственной воле. -безжизненным голосом буркнул он.

"Значит подставили тебя Кагэцуна? -как бы мысленно обратился к нему Усами. -Ну ничего! Это ещё не конец!"

– И тем не менее, -уже вслух, во всеуслышание добавил. -я должен спросить дозволение у моего господина. И если он разрешит, я непременно вернусь, и подпишу сей документ, а пока, прошу меня извинить!

"Хитрая лиса! Будь ты проклят! -думал про себя Тэрута. -Я всё равно до тебя доберусь! Рано или поздно."

Высказывание Усами вызвало небольшой переполох среди несогласных вассалов, особенно у Иробэ, но быстро стих, ведь подписи поставили уже многие. После многих обсуждений, подданные разошлись по своим делам. Наоэ поспешил догнать Усами и встретил его почти у самых ворот главного двора.

–Садамицу-сан погодите! -остановил его Кагэцуна. -Я хочу вам кое-что объяснить!

Усами обернулся. На лице его играла лукавая улыбка. Он, как всегда хитро прищурился, поглаживая козлиную бородку.

– Никак твои блудни довели тебя до такого неправильного решения!?-не дожидаясь объяснений выпалил он. -Ты сам сыграл с собой эту шутку.

Кагэцуна пристыженно опустил голову.

– Пусть поразят камни этого Тэрута! -только и выдавил он.

– Не волнуйся Наоэ-сан! -Садамицу похлопал отчаявшегося приятеля по плечу. -Это даже хорошо, что ты теперь на их стороне.

– Это как? -Кагэцуна вскинул голову, удивлённо взирая на Усами. -У тебя есть какие-то идеи?

– Возможно. Но для их реализации нужно время. Нужно ждать.

– Чего? -спросил Наоэ. -Ведь всё кончено, ты сам так сказал на приёме!

– Нет. -отрезал Садамицу. -Ты, верный человек Наоэ-сан, я надеюсь ты поддержишь меня, не так-ли?

– Безусловно. -согласился Кагэцуна, с надеждой уставившись на собеседника. -Что от меня потребуется?

– Войди к ним в доверие. Я имею в виду Тэруту и Харукагэ. Делай всё, что они скажут, веди себя, как всегда, занимайся строительством, если позволят, шлейся по девкам, будто происшедшее с тобой ни чему тебя не научило, проявляй нетерпение на советах, как ты это обычно делаешь. В общем, будь собой.

– И всё? -удивился Наоэ.

– Пока да. Я как смогу, буду поддерживать с тобой связь и, если ничего не изменится, дам знать, когда нужно будет действовать. -сказав это Усами развернулся и направился к воротам, но почти на выходе бросил через плечо. -И смотри не переметнись!

– Клянусь, что такого не будет! -уверенно ответил Кагэцуна. -Или же покарают меня Kami! – проводив Усами взглядом, он, немного поразмыслив над происшедшим разговором, вернулся в замок, готовиться к предстоящим похоронам.

На следующие утро, в час дракона, состоялись похороны погибших Нагао Тамэкагэ и Кагэфусы. Прошествовав от замка до монастыря Ринсэн, вассалы помолились у алтаря Будды, дабы усопшие без колебаний отправились в круг перерождений. Настоятель храма Коику, вместе с двумя жёнами князя, тремя сыновьями и дочерью также прочитали молитвенные сутры и трижды воскурили ладан. После отпевания голову Тамэкагэ и тело Кагэфусы были сожжены, а прах был помещён в крипту под семейным монументом Нагао на кладбище монастыря. К вечеру всё было сделано. Вассалы разошлись, родственники тоже отправились в молельню, которая находилась возле замка на вершине Касугаямы. И лишь один остался у могилы погибших.

Сжав кисти своих рук в замысловатом знаке, Торачиё читал мантру Бясямон-тэна.

Глава 5

Незнакомец

Лето 8-й год Тэнмон (1539). Ринсэндзи, Этиго.

Час Тигра. Главный храмовый колокол возвестил о том, что пора бы всем проснуться, хотя солнце едва ли показало краешек своего диска из-за гор. Уже после нескольких ударов монахи начали выходить из своих скромных и полу мрачных келий, чего нельзя было сказать о послушниках, особенно новоиспечённых, не привыкших вставать в такую рань. Все тут же устремились к единственному колодцу, дабы омыть лицо и руки для утренней трапезы. Старшие монахи пропускали вперёд послушников, чтобы те поскорее закончили водные процедуры, дабы поспешили на утренние занятия и не опаздывали. Под звонкое пение старшин, молодые поторапливались, лишь бы не слышать эти заунывные сутры, которые давили им на уши с утра-пораньше.

Закончив умывание, монахи и их помощники, отвечающие за хозяйственные дела, отправились готовить завтрак, мыть полы в помещениях и подметать территорию монастыря. Старший же настоятель, которого звали Тэншицу Коику, умывшись последним, легко и спокойно пошёл в зал учений, в котором его должны были ждать молодые ученики.

На вид ему было лет семьдесят. Как и все монахи, обладал круглой, бритой наголо головой. Седые брови свисали аж до глаз, очень узких, хотя иногда казалось, что настоятель специально прищуривается, потому, что плохо видит. Нос его был узкий у переносицы и расширялся у кончика, образуя некое подобие мячика-мари. Всю его внешность, пожалуй, дополняли большие уши с длинными мочками, над которыми часто посмеивались послушники за спиной настоятеля.

Монах негромко, словно его ступни не касались пола, вошёл в зал. Ученики дружно поклонились, поприветствовав настоятеля, и уселись за свои столики. Ученики сидели перед ними на коленях, так как столики были низкими, сделанные из лакированного дуба и предназначались лишь для одного человека. На столах лежало несколько листов бумаги, кисть и тушечница для письма. Сидели, ученики, друг напротив друга, старшие по левую сторону зала, младшие по правую. Между ними оставалось лишь небольшое расстояние, предназначенное для того, чтобы настоятель смог передвигаться между рядами.

Тэншицу встал перед учениками, так, чтобы его видели все присутствующие, сомкнул кисти рук на груди и громко начал петь, высоко задрал голову. Голос его чуть с хрипотцой и всё же, звонко гудел в ушах учеников. Дети удивлённо воззрились на него. Зачем он поёт на уроке, ведь песнопения начнутся не скоро? Всего учеников в зале было не больше десяти. Самому старшему недавно исполнилось тринадцать, звали его Ишичи, а младшему не было и пяти.

Этот самый малый, заслышав пение настоятеля, начал запихивать в уши бумагу лишь бы не слышать дребезжание старого монаха. Вся младшая группа разразилась хохотом, но предусмотрительно прикрыли рты ладонями, чтобы Коику их не услышал. Старшие наоборот, создавали серьёзный вид, но уже предполагали, что сейчас будет потеха. Тэншицу, не обращая внимания на то, что младшие его перестали слушать, а старшие делали вид, продолжал петь. Мальчик, утрамбовавший себе в уши уже всю бумагу, лежавшую на столе, понял, что этого будет недостаточно, заткнул уши пальцами. Настоятель резко оборвал своё пение и опустил свой взор на учеников, не смотрел ни на кого в отдельности, но видел каждого.

– Что это там делает Сачико? -состроив удивлённую мину, спросил Коику. -Зачем он запихал в уши то, на чём сейчас будет писать?

Четырёхлетний мальчик, которого звали Сачико и не думал, что настоятель перестал петь. Он увидел лишь улыбающиеся лица своих однокашников и то, как учитель открывает

рот, -бумага дала эффект. Тэншицу, тем временем подошёл к ученику и прокричал ему в ухо, но мальчик не слышал. Он подумал, что учитель специально пытается его своим отвратительным пением.

- Я думаю он оглох! -заклучил настоятель, поняв, что его попытки докричаться до Сачико тщетны. Он помахал ладонью перед лицом ученика, тот проследил за ней глазами. -Но не ослеп! -Тэншицу повернулся к ученикам. -Как, по вашему мнению, нам теперь общаться с Сачико? Ведь он перестал слышать.

Ученики тихо хихикали, но пожимали плечами. Руку поднял лишь один, Торачиё. Зимой ему исполнилось десять лет, и он перешёл в старшую группу. За три года пребывания в монастыре он очень вырос, его длинные ноги способствовали этому и в своём возрасте он не уступал в росте настоятелю Коику, который был очень даже не маленьким.

- Торачиё! - Тэншицу улыбнулся. -Ты конечно-же хочешь помочь Сачико, как ты это обычно делаешь?

- Да настоятель! -ответил Торачиё детским баском. -Ведь если человек нуждается, ему необходимо помочь.

- А нуждается ли в помощи наш Сачико? -спросил Тэншицу. -Разве он не сам себе записал в уши бумагу, только лишь для того, чтобы не слушать моё пение? Ишичи? -обратился он к старшему ученику. -Тебе ведь тоже не понравилось моё пение. Почему ты не засунул себе в уши бумагу как Сачико, а продолжал слушать?

- Но ведь песня должна была закончиться. -пристыженно ответил Ишичи, опустив голову. -Я просто потерпел.

- Правильно! -одобрительно кивнул настоятель. -Всё имеет начало и всё имеет конец. Ни что ни вечно.

- Он поступил неразумно. -снова подал голос Торачиё. -Ему просто нужно преподать урок терпения.

- И это правильно. Ведь Сачико ещё совсем мал, в его возрасте всем свойственно совершать глупости. -говорил Коику. -Но всякая глупость должна оцениваться по мере её свершения. Ведь так? -обратился он ко всем ученикам. Все дружно закивали, соглашаясь с учителем.

Сачико давно уже понял, что настоятель Коику перестал петь и всё ровно сидел с заткнутыми ушами, подумав уже просидеть так весь урок не слушая учителя. Торачиё смотрел на него с некоторым снисхождением, зная, что сейчас настоятель придумает ему наказание, которое непременно вызывает всеобщий смех, что уже не в первой.

- Итак. Торачиё, ты хотел помочь вразумить нашего изобретательного Сачико? -на вопрос Тэншицу, Торачиё кивнул. Учитель продолжил. -Возьми кисть и обмакни её в тушечницу. И раз уж так вышло, что Сачико оглох и не услышит твоих вразумительных речей, нарисуй у него на лице кандзи "май"-глупец.

Торачиё сделал, как ему велел настоятель. Подойдя к Сачико, он аккуратно вывел тушью замысловатый символ на всё лицо мальчика. Сделав порученное, Торачиё сел за свой столик. Его взгляд на Сачико стал ещё более снисходительным. Сам же четырёхлетний ученик, сидел все это время, не издав ни звука. Его лицо приобрело ещё более глупое выражение, подкреплённое характерным кандзи.

Пробил колокол. Время завтрака.

Настоятель Тэншицу отпустил учеников. Все улыбались и смеялись, подначивая, незадачливого Сачико. Только лишь один Торачиё спокойно шёл в обеденный зал, не принимая участия в веселье. Он считал, что глупость маленького мальчика не должна служить поводом для насмешек, тем более для старших учеников, которые любили издеваться над маленькими. Но только не он. Не Торачиё, который когда-то сам был предметом таких насмешек.

* * *

После завтрака, всё свободное время, Торачиё посвятил памяти усопших, близких ему людей, на кладбище монастыря. Там, среди многочисленных серых каменных надгробий, за многие годы, поросших мхом, было место и для родни Торачиё. Кладбище монастыря Ринсэндзи являлось местом усыпальницы клана Нагао, ещё со времён его деда Ёшикагэ, который и построил сей монастырь. За это время война унесла множество жизней, включая отца и старшего брата Торачиё. С того злосчастливого дня прошло три года, но мальчик ни упускал не единого дня, для того, чтобы прийти и помолиться в память о родных.

Несмотря на печальные события, которые омрачили начало обучения Торачиё в Ринсэндзи, мальчик не потерял самообладание. Напротив, смерть отца и брата подкрепила в нём желание научиться владеть собой, познать искусство войны и самое главное проникнуться в сердца людей и научиться понимать их. Ведь, как думал Торачиё, его отец проиграл не потому, что был плохим полководцем, а потому, что не понял своего врага. Который, подкреплял свои силы не только отвагой и воинскими умениями, но и духовными наставлениями, способствующими бодрости духа и достижению намеченной цели. Торачиё воевать не хотел. Но, сам того не понимая, шёл по пути воина, ежедневно оттачивая свои навыки в боевых искусствах, разбавляя их трактатами полководцев древности о правилах ведения войны. Не забывал он и о духовной пище. Наставления, порой чудаковатые и не понятные, которые преподавал настоятель Коику, учили Торачиё видеть мир таковым, каким он и является. Видеть то, что происходит перед глазами, не строить иллюзий на будущее и не жить деяниями прошлого. Он понимал, дорога в Касугаяму для него закрыта, с приходом к власти Харукагэ.

Новый правитель Этиго, ненавидел свою семью. Он сделал всё, чтобы никто из членов клана Нагао не оспорил его власть. Харукагэ изгнал свою мать Судзумэ из Этиго, которая пыталась подговорить вассалов клана сделать даймё её младшего сына Чикаро, получившего в совершеннолетия имя Кагэясу. Сначала он хотел убить её, но вассалы его отговорили, и князь отправил мать в ссылку на остров Садо, куда уже много столетий ссылают политических преступников. Самого Кагэясу, Харукагэ отдал в клан Куродо, чтобы тот лишился всяких полномочий в семье Нагао. Тору Годзэн, мать Айи и Торачиё, новый князь хотел отдать в наложницы Тэруте, но женщина, исполнив траур по мужу, подстриглась в монахини. Приняв имя Сэйган-ин, она стала жрицей богини милосердия Каннон. Айю отдали замуж за сына Уэда Фусанаги, Масакагэ из замка Сакадо. Этот брак послужил мирным договором между Касугаямой и Уэда, которые ещё со времён молодости покойного Тамэкагэ не питали любви к даймё и периодически поднимали восстания. Впрочем, не только Нагао-Уэда из Сакадо отличались буйным нравом.

После того, как Харукагэ признали князем, прошло несколько месяцев и Этиго попытались атаковать Дзинбо из Эттю. Стычка произошла на границе. Из-за отсутствия у Харукагэ всяких полководческих талантов и плохой организации войск, армия Этиго потеряла много воинов в этой битве, но сражение выиграла. Дзинбо отступили, а бусё Харукагэ отказались их преследовать, объяснив это тем, что мол, хороших воинов итак осталось мало, а враги, получив по заслугам, явятся ещё не скоро. Главным оратором выступал, конечно же, Иробэ Кацунага, он и спровоцировал генералов разойтись по домам. А после начались восстания во всех уголках провинции. Главы кланов были не довольны правлением Харукагэ, а крестьяне жаловались на увеличения поборов с их полей и деревень. Стабильность сохранялась только в округе Касугаямы, да на юге в Сакадо. Последние кстати, так же были недовольны, но союз для них дело святое и они терпеливо ждали своего часа. А даймё, тем временем, придавался пьянству, дебошу и разврату, учинённым им у себя в замке. Ответственность за управление легли на плечи Тэруты Хидэтаки, чему тот был несказанно рад. Он не только не отговаривал Харукагэ

отказаться от разгульной жизни, но и всячески поощрял его. Тэрута, от имени даймё конечно, забирал в деревнях молодых девушек, потрошил амбары с рисом и сакэ и присылал их в Касугаяму на развлечения Харукагэ. Тех самураев, которые ещё оставались верными клану Нагао, Тэрута посылал на усмирения восстаний, дабы те не засиживались в замке и не наблюдали за моральным разложением наследника Тамэкагэ.

Всё это Торачиё узнавал у путников, посещавших монастырь и от самих монахов, ходивших в замок по разным поручениям, от врачевания до молитв за упокой. Он был недоволен поведением своего брата, но боролся с собой, пытаясь смириться с этим. Так как Харукагэ ни за что не позволит ему вернуться в Касугаяму и сделает всё, чтобы отгородить Торачиё от клана Нагао, дабы не оспаривались его права на власть.

Торачиё продолжал молиться и даже не заметил, что со спины к нему подошёл кто-то. Этот, "кто-то", не стал отвлекать мальчика и терпеливо подождал, когда он закончит. Через некоторое время Торачиё перестал молиться, поднялся с колен, и было направился прочь с кладбища, как неожиданно увидел перед собой настоятеля.

– Ты снова поминал усопших? – спросил Тэншицу. Лицо его было спокойным и невозмутимым. Торачиё не мог понять, о чём сейчас думает монах, злится или наоборот, одобряет.

– Да настоятель! – Торачиё вежливо поклонился. – Я каждый день приношу им дань уважения.

– Ты никогда не задумывался над тем, что мешаешь им спокойно спать? Мёртвые не нуждаются в ежедневных почитаниях. Они ушли из этого мира, чтобы переродиться в лучшую форму в следующей жизни. А ты постоянно напоминаешь им об их прошлом. Это не вежливо по отношению к ним. – с укором произнёс Коику.

– Но, если я не буду их почитать, о них просто-напросто забудут. – немного возмутился Торачиё.

– Я не говорю о забвении. – поправил его монах. – Но достаточно будет помянуть предков раз в год. В день их смерти или день поминовения. А ты всё больше тревожишь и их, и себя.

– Я не молюсь о себе. – покачал головой мальчик.

– А надо-бы. Подумай о себе, молись о просветлении, пойми свой путь в жизни. – Тэншицу положил руку на плечо ученика. – Отпусти своё прошлое – оно лишь затуманивает твой рассудок. Забудь о родных, они вызывают у тебя обиду. От обиды может родиться отчаяние, из отчаяния, гнев. А гнев подобен раскалённым углям, которые ты взял, чтобы бросить в своего обидчика, но обожжёшься больше ты, а не он.

– Я пытаюсь забыть. – опустил голову Торачиё. – Но разве можно забыть столько горя, сколько причинили мне в прошлом. И о тех людях, которые мне сделали столько хорошего, и которых я, наверно, никогда больше не увижу.

– А что говорит тебе твоё сердце? Ты прислушиваешься к нему?

– Моё сердце? – мальчик положил свою руку себе на грудь. – Я не знаю. Но иногда я чувствую, что должен бороться с той несправедливостью, что учиняет мой брат, с тем, как он угнетает людей Этиго. Он ведь поступает неправильно?

– Он идёт в поводу своих желаний, а его желания не соответствуют истинному пути. Он не слушает ни голос разума, ни зов сердца. – внезапно Коику подтолкнул Торачиё. – Пойдём в хондо²⁷ по пути и поговорим.

Настоятель и ученик тронулись с места и направились на территорию монастыря. Торачиё шёл, понуриив голову. Он не был уверен в своих чувствах и пытался понять, на какой путь Тэншицу хочет его направить. Настоятель снова заговорил:

– Так скажи, что тебе мешает следовать зову сердца?

²⁷ Хондо – главный зал в буддийском храме.

– Оно зовёт меня идти в бой. Но, я не хочу воевать. Война-это путь обмана! Но ведь невозможно с помощью обмана прийти к справедливости!

– Это сказал Сунь-Цзы? -спросил Коику.

– Да!

– Он писал о том, как сам вёл свою войну, кто сказал, что ты не можешь воевать по своим правилам?

– Но как это сделать? Если я восстану против своего брата, я стану мятежником, а если одолею, узурпатором, ничуть не лучше его? Да и кто за мной пойдёт? Я всего лишь четвёртый сын погибшего князя. Про меня, наверное, и не помнят вовсе.

– Сомнения! -воскликнул Тэншицу. -Ты постоянно сомневаешься, поэтому никогда не сдвинешься с места. А если ты не двигаешься, то никогда не дойдёшь до своей цели. У тебя есть цель?

– Возможно...-Торачиё оборвался на слове. Он вдруг и сам услышал в своих словах нотки сомнения. -Есть! -твёрдо сказал он. -Я хочу принести в свою землю мир, я хочу, чтобы правосудие свершилось! Этого не должна быть раздробленной.

– Если такова твоя цель? Тогда следуй ей. Иди вперёд не оглядываясь, но и ни строй иллюзий, иначе можешь оступиться. -напутственно произнёс настоятель. -Слушай голос разума и зов сердца, они не обманут.

– Но для достижения цели мне ещё многому нужно научиться. Ведь мне всего десять лет. – сказал Торачиё.

– Хочешь учиться, учись! Хочешь восстановить справедливость, так сделай это! Тебе никто не мешает, всё зависит лишь от тебя самого. Все сомнения и дурные мысли тоже исходят лишь от тебя. Поэтому научись победить эти дурные качества. Медитация кстати, очень помогает.

– Благодарю вас настоятель Коику! -приободрился Торачиё. В его глазах, вдруг появился огонёк уверенности в себе.

– Я ничего не делал. -невозмутимо, покачал головой Тэншицу. -Ты сам пришёл к этому выводу. Я только направил тебя в нужном направлении.

Торачиё больше ничего не сказал. Он лишь поклонился настоятелю и стремглав бросился к главному залу, где вот-вот должны начаться песнопения и чтения сутр. Чтобы там не говорил монах, но его наставления произвели на мальчика неизгладимое впечатление. Предали уверенности и стремления. Теперь он ещё усердней будет тренироваться и постигать свой путь.

Песнопения и моления проходили в главном помещении монастыря, в хондо. Монахи и ученики собирались в длинном зале, рассаживались на соломенных татами лицом к статуе Будды и начинали, нараспев, читать сутры. Будда, сделанный из чистого золота, сидел в позе лотоса на возвышении, представляющие собой одноимённый, раскрывшийся цветок. По обеим сторонам его, находились незыблемые золотые стражи, которые отгоняли злых духов. Вокруг алтаря были расставлены многочисленные вазы с цветами и сосуд для подношения. Алтарь освещался лишь парой, тускло горящих свечей на высоких керамических подсвечниках и двумя бумажными фонариками, подвешенными по бокам позолоченного балдахина. Глаза Будды Шакьямуни были закрыты, а руки сложены перед собой в замысловатом, медитативном знаке; одна ладонь поверх другой едва касались друг- друга, словно держали невидимый шар. Всем своим видом, на первый взгляд бездушная статуя, выражала спокойствие и самоотрешённость. Торачиё всегда думал, можно ли достичь такого спокойствия души и не замутнённости сознания. Он много раз, за три года в монастыре, медитировал на занятиях у священника Шукэна, но у него не всегда получалось отчистить свой разум от посторонних мыслей. Зато ему очень помогало пение сутр. Мальчик настолько погружался в сие действие, что ему иногда казалось, будто он, отрывается от пола и начинает парить над головами остальных монахов. С

ним уже бывало такое. Ещё когда он жил в Касугаяме и слушал волшебную игру на флейте в исполнении Нами, он ощущал ту же свободу и невесомость, точно как сейчас.

Молитвы и пения продолжались один час. После чего, монахи и ученики отправились на обед. Перекусив и немного отдохнув в своих скромных жилищах, ученикам предстояло постигать разные науки в течении двух часов.

Первый урок должен был проходить у учителя Кохэя мастера будзюцу. Кохэй преподавал в отдельном, от монастыря, месте, в старом, заброшенном святилище, которое видимо пустовало уже со времён возведения Ринсэндзи. Монахи монастыря выделили мастеру это место специально для тренировок и помогли ему обнести додзё деревянным забором. Кохэй сам восстановил небольшое обветшавшее здание, которое стало ему как домом, так и храмом. Своих учеников он натаскивал на улице, во дворе, где рассыпал по земле белый, словно снег, песок. В северной стороне ограды стояла деревянная статуя Бисямон-тэна, размером в половину человеческого роста. По словам мастера Кохэя, он сам вырезал этого kami из дуба, на который указал ему сам Бисямон, снизошедший до него во сне.

Именно в этой скромной обители молодые ученики постигали разные военные науки. Учились владеть мечом и стрелять из лука. Овладевали разными способами связывания противника, рукопашный бой, который включал в себя всяческие броски, болевые приёмы и некоторые удары. Искусство верховой езды изучали очень скудно, потому, что в распоряжении Кохэя была всего одна лошадь и, хотя детей было немного, всё же для каждого преподать индивидуальный урок езды требовал много времени. Поэтому, пока мастер натаскивал одного из учеников на лошади, остальные изучали основы боя и так по очереди.

В монастыре, правда было две лошади, одну из которых и презентовали Кохэю. Столь малое количество парнокопытных выражало отнюдь не бедность Ринсэндзи, а скорее расположение провинции Этиго, окружённую со всех сторон горами, где лошади абсолютно не требовались. Так, что армия Нагао, так же не имела большого количества конницы.

Иногда, в летнее время, Кохэй тренировал учеников в плавании. Ведь воды рек в Этиго очень долго оставались холодными, и было недолго получить обморожение. Но больше всего, мастер уважал искусство боя на копьях, или как его ещё называли-содзюцу. Именно этому Кохэй посвящал больше времени и требовал от учеников абсолютной отдачи в этом виде единоборства. Его любимым оружием было копье бисямон-яри. Длинной, не меньше семи сяку, древко из дуба, покрытое чёрным лаком, а блестяще отполированный наконечник имел форму знака "Ж". Ученики несколько раз наблюдали, как мастер Кохэй выделывал этим оружием великолепные ката, уколы, финты, поразительное разнообразие атак и защиты. Всё это откровенно завораживало пока ещё не опытных детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.